РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
АЛЕКС ОРЛОВ
ШТУРМ БАЗЫ
Не сгибайся, когда начнется штурм, докажи, что ты лучший

База 24

Алекс Орлов

Штурм базы

«Автор»

2004

Орлов А.

Штурм базы / А. Орлов — «Автор», 2004 — (База 24)

ISBN 5-699-13898-6

Сезон дождей прошел, но тучи над затерянной в джунглях планеты Ниланд военной базой 24 продолжают сгущаться. Мятежники хотят покончить с ней и готовятся начать решающее наступление с использованием самой современной техники. Гарнизону подписан приговор, пленных здесь не берут. Генералы в штабах подкуплены, помощи ждать неоткуда, но воинский долг никто не отменял, поэтому федеральные разведчики выходят в джунгли и, если нужно, наносят упреждающий удар. Превратившиеся из зеленых новобранцев в опытных бойцов Джим Симмонс и Тони Тайлер вновь оказываются в самой гуще схватки.Не сгибайся, когда начнется штурм, докажи, что ты лучший!

ISBN 5-699-13898-6

© Орлов А., 2004
© Автор, 2004

Содержание

1	6
2	7
3	9
4	11
5	14
6	17
7	21
8	24
9	26
10	28
11	32
12	33
13	35
14	37
15	39
16	42
17	44
18	46
19	48
20	50
21	51
22	52
23	54
24	56
25	58
26	60
27	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алекс Орлов
Штурм базы

Моторы работали ровно, и пропеллеры деловито рубили воздух. Квасневский пригибался к палубе, но не от страха, просто ему казалось, что так скутер идет быстрее. Приходилось держаться ближе к береговой линии, чтобы не давать солдатам прицелиться, однако те знали свое дело. Рядом с бортами взлетали фонтаны воды, и пули щелкали по надстройкам.

Смерть проносилась над головой Квасневского, но он был твердо уверен, что сегодня еще не умрет. Быть может, завтра или на следующей неделе, она давно охотилась за ним и за последний год подобралась вплотную. Но не сегодня, не сегодня…

1

В этом году ливни начались на две недели раньше обычного, но Джим Симмонс и Тони Тайлер в этом мало что понимали, они прожили на базе меньше года и дождей еще не видели. Их приход означал свертывание боевой работы и вынужденный отдых.

В течение двух месяцев выбраться за пределы базы было невозможно. Разве только по утрам, когда ливень слабел, чтобы собраться с силами и снова обрушиться на землю, лес и переполненные реки.

По ночам стихия буйствовала особенно сильно, и даже в пределах базы передвигаться было небезопасно. Водоотводных каналов на ее территории не предусматривалось, и вся вода устремлялась к единственным воротам. Случалось, ее потоками из ворот выносило часовых, поэтому, безо всяких шуток, они заступали на пост в спасательных жилетах и вдобавок привязывались к турникету нейлоновым шнуром. В десяти шагах от ворот начинались минные поля, и заплывать на них было смерти подобно.

Однако совсем оставить службу было никак нельзя, и смены солдат доставлялись в лесные форты на надувных лодках – по вышедшим из берегов рекам и ставшими реками протокам.

Поскольку способ этот был весьма непрост, смены на фортах удлинялись с двух недель до трех, а из припасов подвозили только самое главное: лекарство от кожного грибка – с дождливым сезоном он становился опасен, – яблочные пироги, которые повара выпекали специально для оторванных от базы, и несколько новых фильмов на квантовом носителе – все честь по чести.

Из-за того, что джунгли были затоплены водой, которая продолжала обрушиваться с неба ежедневно, мятежники не вели никакой деятельности. Они тоже отсиживались на своих базах, поэтому гарнизоны фортов никто не беспокоил. Спасаясь от скуки в бетонных бункерах, солдаты ели, спали, смотрели кино и под шум дождя мечтали о больших городах и длинноногих девушках.

Некоторые ходили на рыбалку, спускаясь к окружавшим бункеры бетонным заграждениям, которые играли роль плотины и образовывали глубокие запруды, – откуда там бралась рыба, для всех было загадкой.

Иногда надоедало все, и хотелось, чтобы поскорее закончился этот дождь, выглянуло солнце и начали летать «Си-12», лишь бы не путешествовать на опостылевших надувных «казуарах».

Немногие вспоминали, что с началом сухого сезона в джунглях появлялись мятежники и возобновляли обстрелы бункеров.

2

Не забывали о своих обязанностях и разведчики капитана Саскела. Они совершали традиционные вылазки, правда, теперь пешие походы сменились патрулированием на тех же «казуарах» с подвесными водометами. Такие двигатели работали очень тихо, а за шумом непрекращавшегося дождя их вовсе не было слышно.

Несмотря на то что кругом властвовала вода, двигаться на лодках в пределах зоны безопасности можно было только по дорогам. Любое касание дна на минном поле грозило самыми серьезными последствиями, и несколько подрывов в сезон уже произошли.

Иногда взлетали на воздух принесенные течением коряги, но пару раз на мины натыкались местные речные чудовища – зурабы. При трехуровневом минировании срабатывали сразу три заряда, поэтому от животных мало что осталось. Но и то, что осталось, было съедено рыбками-канипонами. Спокойные и мирные в сухой сезон, с началом дождей канипоны сбивались в косяки и, забросив водоросли и болотных мошек, рыскали в поисках трупов утонувших животных и атакуя раненых.

Отъевшись на белковой диете, они метали икру, и к ним возвращался их прежний тихий нрав, а дожди прекращались уже через неделю после икрометания канипонов – это было верной приметой.

В этот раз Джиму и Тони совместно с сержантом Рихманом предстояло выйти на патрулирование территории, однако для этого требовалось подняться в четыре утра. «Окно» в дождевом расписании давало только три часа на то, чтобы прокатиться по реке при слабом дождике, лишь изредка вычерпывая воду и не рискуя быть смытыми тропическим ливнем.

«Казуар» разведчиков хранился прямо в коридоре жилого строения.

В 4.15 Джим и Тони выволокли его на воду, которая текла по территории базы сплошным потоком. Сейчас эта река была едва по щиколотку, а час назад бушевала, словно горный поток.

Джим закинул автомат за спину и сошел в воду прямо в ботинках. Избегать сырости смысла не было. На косом и монотонном дождике обмундирование вымокало за несколько минут.

Тони подал с крыльца нос «казуара», и Джим осторожно опустил надувную лодку на воду.

Из двери появился сержант Рихман. С высоты крыльца и своего немалого роста он оглядел территорию базы, потом взглянул на небо и сказал:

– Скоро этому дождю придет конец – тучи светлеют.

– Хорошо бы, сэр, – со вздохом произнес Тони, смахивая с подбородка дождевые капли. Они с Джимом переживали только первый дождевой сезон в Междуречье, и им казалось, что конца и края этому безобразию не будет. Отсутствие солнца плохо сказывалось на настроении, а вечно сырое обмундирование начинало раздражать.

Рихман спустился к лодке и установил на корму водомет. Затем уложил на дно плоскую панель питания.

– Ну пошли, – сказал он.

Джим с Тони подхватили лодку за свисавшие с бортов ремешки и потащили по воде в сторону главных ворот.

Слева, на вертолетной стоянке, мокли зачехленные «Си-12» – честные работяги джунглей. Им тоже не хватало солнца и чистого неба. Справа дремала под водой спортивная площадка. В свободное время солдаты играли на ней в футбол, но при такой погоде было не до игр.

Поднимая брызги, мимо прошла смена часовых. Джим подумал, что стоять в такую погоду у ворот не очень приятно – дождь льет, но не приносит прохлады, на плече автомат, а

на ногах разбухшие от воды ботинки. Только и радости, что поесть по-человечески. На базе были отличные повара.

«Хорошо, что разведчики не ходят в караул», – сказал себе он.

Подхваченная течением лодка ударила по ногам, и Джим споткнулся.

– Держаться, парни! Держаться! – строго приказал Рихман. – Не хватало, чтобы вы еще до работы попадали!.. – Махнув рукой знакомому часовому, сержант скомандовал: – Стоп!.. В лодку!

Пока он держал «казуар», чтобы его не снесло течением, Джим и Тони расселись по номерам. Джим расположился вполоборота на носу, чтобы смотреть вправо. Он был самым легким, поэтому ему досталось это место. Тони, как самый высокий, садился в середине лодки вполоборота влево.

– Готовь торцы! – скомандовал сержант.

Торцами назывались полутораметровые палки со стальными наконечниками. Их удобно было вонзать в землю, если лодку несло не туда. В данном случае требовалось не дать течению вынести лодку из ворот на минное поле.

Придерживая за корму, сержант стал подталкивать судно вперед. В воротах течение усилилось, и «казуар» стало подбрасывать.

– Держать! – скомандовал Рихман. Затем забрался в суденышко, отчего корма низко осела. Стремнина потащила лодку из ворот, несмотря на то, что Джим и Тони изо всех сил налегали на торцы.

– Поехали! – сказал Рихман, и стажеры одновременно подняли шесты. Сержант включил водомет на полную мощность и лихо выполнил левый поворот всего в метре от границы минного поля.

3

Чтобы выбраться на реку, требовалось сначала плыть вдоль бетонного ограждения базы до радиальной западной дороги. В сухое время Джим и Тони неоднократно ходили по ней в джунгли, выполняя учебные задания сержанта Рихмана.

Дорога была заминирована, и проход по ней осуществлялся лишь после отключения взрывателей, что делалось дистанционно с диспетчерского пульта базы. В период дождей этот порядок не менялся, хотя за всю историю базы мятежники ни разу не пытались приблизиться к ней по воде.

Запросив по рации диспетчера, Рихман получил разрешение на проход и, прибавив водомету тяги, повел лодку по обозначенной вешками дороге. Добравшись до джунглей, разведчики свернули направо и вдоль границы леса вышли к притоку реки Калпеты, который теперь и сам выглядел как настоящая река. Даже берегов теперь у него не было – их отмечала лишь зеленая стена тропического леса.

– Разведчик Тайлер, в чем состоит цель патрулирования? – спросил сержант. Он всегда задавал одни и те же вопросы, поэтому Тони знал ответ.

– Целью патрулирования является обнаружение на реке деталей, косвенно свидетельствующих о возможной деятельности врага.

– Молодец. Можешь начинать вычерпывать воду.

Тони покорно взялся за резиновый ковшик и стал загребать дождевую воду, которая, несмотря на относительную слабость дождя, быстро накапливалась в лодке.

– Разведчик Симмонс, что может являться этими самыми деталями?

– Косвенно свидетельствующими, сэр?

– Да, косвенно свидетельствующими, – подтвердил Рихман.

– Обрывки бумаги, одежды, пластиковая упаковка, масляные пятна…

– А также…

– А также трупы животных со следами огнестрельных ранений.

– Это ты уже сам выдумал.

– А что, разве такое не может быть?

– Может… Ну-ка, что там впереди?

Джим стал присматриваться. На волнах подпрыгивало какое-то белесое пятно. Скорее всего, очередной кусок упаковочного пластика, еще не было случая, чтобы они не привозили какой-нибудь мусор.

К таким вещам разведчики относились очень серьезно и позже у себя в жилом помещении все вместе определяли происхождение того или иного клочка. Часто на эти опознания приходил командир разведвзвода капитан Саскел, а в особо важных случаях представитель Службы Безопасности – капитан Мур.

Последний раз это случилось две недели назад, когда был найден кусок упаковочной бальзы – вещества, похожего на застывшую пену. На взгляд Джима и Тони, это был пустяк, однако позже им объяснили, что бальза отломлена от большого куска, который представлял собой форму для укладки военного снаряжения.

– Это означает, что, пользуясь затишьем дождливого сезона, противник пополняет свои арсеналы, – сказал тогда Саскел.

А многоопытный разведчик Шульц заметил, что в такую бальзу пакуют авиационные изделия. Тогда на это никто не обратил внимания. Ну откуда у мятежников авиация, да еще в лесу?

Лодка продолжала упорно двигаться против течения, и скоро светлый предмет оказался совсем близко.

– Ну, что это за штука, впередсмотрящий?

– Это какая-то гадость, сэр!.. – воскликнул Джим, невольно хватаясь за автомат.

– Это не гадость, это водяной каракурт – десятиногий монстр, питающийся рыбой.

– И, разумеется, ядовитый? – уточнил Тони, брезгливо поглядывая на полупрозрачного каракурта, который держался на воде благодаря множеству волосков на растопыренных лапах. Помимо ног, у него был длинный деформированный ус с утолщением на конце. Им каракурт имитировал тонущее насекомое.

– Конечно, ядовитый. В этом крае быть неядовитым значит не выжить.

– А на него есть противоядие, сэр? – спросил Джим, дотрагиваясь до висевшего на поясе контейнера, в котором находились полторы дюжины заправленных сыворотками шприцев.

– Против него – нет, но можно использовать универсальную сыворотку номер пятнадцать. Своевременное ее применение снижает вероятность летального исхода со ста до сорока восьми процентов.

– Негусто, – покачал головой Джим, поглядывая вслед уплывавшему каракурту. У них с Тони уже был нелегкий опыт общения с обитателями джунглей, когда каждая секунда до ввода правильной сыворотки была на счету. При этом до службы Джим и Тони боялись уколов.

Каракурт был уже достаточно далеко, когда Джим заметил его быстрое движение и над водой блеснула чешуя затрепыхавшейся рыбки.

4

Через полчаса Джим увидел еще один подарок реки. Им оказался кусок упаковки.

– На этот раз не каракурт, сэр! – обрадованно произнес Джим, выхватывая из воды находку. Так быстро действовать на воде вынуждали обстоятельства. В глубине реки мог прятаться зураб, наводивший ужас на водных обитателей и неосторожных купальщиков. Согласно специальной литературе по флоре и фауне материка Тортуга зурабы достигали в длину восьми метров, а по слухам вымахивали на все двенадцать.

Поскольку Джиму и Тони уже случалось видеть зурабов, на воде они не зевали. Конечно, с наступлением высокой воды пищи у этих хищников становилось больше, однако на службе полагалось быть готовым ко всему.

– Ну-ка, дай сюда! – сказал сержант, и Джим перебросил ему пожелтевший кусок упаковки.

Рихман выставил регулятор мощности водомета на малый ход и стал рассматривать находку. Это был тот же материал, что они находили в районе Четвертого опорного пункта. За месяц до сезона дождей мятежники, используя секретный метод, взяли этот форт штурмом.

Джим и Тони были в рядах его гарнизона. В неравном бою только им двоим посчастливилось уйти живыми, все остальные погибли. После захвата форта мятежники его взорвали. Как выяснилось позже, сделали они это для того, чтобы вывести данный район джунглей из-под контроля солдат федерации.

Воздушная разведка, которую осуществляли пилоты с военно-воздушной базы «Мальбрук», еще долго не фиксировала в джунглях никаких изменений, а между тем они были. Когда удалось организовать разведывательный рейд, выяснилось, что весь район вокруг разрушенного форта основательно изрыт. В рекордно короткие сроки оказались переработаны сотни тысяч тонн грунта. При этом была уничтожена вся наземная растительность, за исключением самых высоких деревьев – третьего-четвертого яруса.

Замысел неизвестных разработчиков недр был прост: они вели свои работы под прикрытием раскидистых крон, поэтому воздушная разведка им не мешала.

Что являлось предметом добычи, гадать не пришлось. Бойцам с Двадцать Четвертой базы уже не раз приходилось выслеживать группы мятежников, которые добывали алмазы, находившиеся в джунглях близко к поверхности земли. Продавая их, мятежники вооружались, и тот факт, что им удалось взять приличный груз драгоценного сырья, сулил солдатам Междуречья тяжелые времена.

– Ну и что это, сэр? – спросил Тайлер, между делом вычерпывая из лодки воду.

– Упаковка от расходных деталей машины для промывки грунта. Прежде мы находили такие же, но с маркировкой.

– Там, где искали алмазы?

– Там, – кивнул сержант и вздохнул.

Они плыли против течения еще четверть часа, затем развернулись и стали возвращаться. Дождь понемногу прибавлял, и Тайлеру приходилось все чаще вычерпывать воду.

По течению лодка бежала куда быстрее. Джим смотрел на хмурое небо и время от времени смахивал с лица воду.

– А вот интересно, – сказал он, – как переживают дождливый сезон дикари?

– Дикари? – переспросил сержант. – Ты имеешь в виду марципанов?

– А кого же еще?

– Может, девочку свою вспомнил?

За спиной предательски хихикнул Тони.

– Почему сразу девочку? – обиделся Джим.

Эта любовная эпопея с дикаркой его чуть не погубила. Едва повстречавшись с девушкой в джунглях, Джим, невзирая на предупреждения Тони, сразу дошел с ней до самого главного. Красивая и искусная в любви, она легко привязала Джима к себе, и он бегал к ней на ежедневную случку, высунув язык. Эти встречи приходилось скрывать ото всех, кроме Тони, который первое время покрывал друга, надеясь его образумить. Однако ничего не помогало – ни увещевания, ни угрозы.

По счастью, странности в поведении стажера заметил сержант Рихман, а потом уже обстоятельства заставили Джима «сдаться» и привести Джеки, как он назвал девушку, на базу.

На этом история не закончилась. Джеки оказалась не из племени марципанов, а из мали – народности, которая жила на территориях, контролируемых мятежниками. В этом сумел разобраться капитан Мур, который представлял на базе Службу Безопасности. Когда тайны Джеки всплыли наружу, эта милая лесная пташка едва не отправила всех присутствовавших на допросе в мир иной. Положение спас сержант Рихман, которому пришлось применить всю свою силу и сноровку.

Как выяснил все тот же капитан Мур, знакомство Джеки с солдатом оказалось спланировано разведкой мятежников с целью проникновения на Двадцать Четвертую базу. Тогда Джим еще не знал об опасности, которая исходит от местных женщин. Они умели порабощать не имевших иммунитета мужчин, делая их зависимыми от секса с дикарками. Проводили гормональную атаку, как объяснил позже гарнизонный медик по прозвищу Док.

«Ты желаешь ее снова и снова, и с каждым днем все сильнее. Ломка, друг мой. Как у наркомана», – говорил Док, и Джим ему верил. Именно так он себя и чувствовал, особенно по утрам. Готов был стену головой прошибить, чтобы только добраться до желанной дикарки.

Джим вздохнул. Казалось, это было давным-давно – время на базе текло иначе. Проходил месяц, а казалось, целых полгода, и что интересно – его перестало тянуть домой.

С Тони все проще, у него дома целый выводок братьев и сестер, и он не раз признавался, что рад своей свободе. А Джим был единственным сыночком у мамы.

Тони Тайлер в очередной раз вычерпал из лодки воду и, поправив на коленях автомат, спросил:

– Сэр, а когда приедет капитан Васнецов?

– Тебе не хватает работы?

– Мне хватает, сэр, – поспешил заверить Тони, – просто все говорят: капитан Васнецов – то, капитан Васнецов – се… Вот и хотелось бы на него взглянуть.

– Еще взглянешь и мало не покажется. Времени на раскачку не даст, это вам не я.

«Еще скажи – это вам не капитан Саскел», – ухмыльнулся про себя Джим. Едва они с Тони попали в разведвзвод, капитан в первый же день без раскачки пристроил его в команду, которая в экстренном порядке отправлялась на «отбой». Это означало отбивать попавших в окружение разведчиков.

Через два дня капитан примерно так же удружил Тони.

– А мы готовы к трудностям, – самонадеянно заявил Тони. – Правда, Джим?

– Правда, – подтвердил тот, поглядывая на свой правый сектор. На одной из свесившихся к самой воде веток нашли приют две бурые змеи. Они были большими – не меньше метра каждая, однако яд их был неопасен.

Другое дело, маленькие желтые и зеленые змейки, которых почему-то называли малиновками. Они любили нежиться на широколистых деревьях, а во время дождя висели под листьями, уцепившись за черенки хвостами. Вот и сейчас Джим видел их не менее дюжины – с виду таких миролюбивых, похожих на древесные сережки. Однако бывали случаи, когда после укуса малиновки человек не успевал достать из контейнера «Н-19» – сильнодействующую сыворотку.

Как-то, в самом начале сезона, Джим шел по лесу с Шульцем, и оборвавшаяся лиана стряхнула на разведчиков десятка два малиновок. Шульц тогда сказал изменившимся голосом:

– Не дыши.

И они стояли минут десять, пока эти твари не расползлись. К счастью, малиновок в лесу было немного, а их родственницы, змеи-листвянки, оставляли укушенным куда больше шансов.

– Сэр, неужели капитан Васнецов может свалить Шульца? – не успокаивался Тони.

– Запросто.

– А вас?

– Запросто.

– Он что, такой сильный? Неужели здоровее вас, сэр?

– Нет, не здоровее. Даже ниже ростом. И тебя, кстати, тоже. Внешне он выглядят примерно как Симмонс.

– А почему нас не учили драться сразу? – спросил Джим. – Как только мы приехали?

– А какой смысл? Специалист не будет тратить время на стажера, которого, возможно, скоро убьют. Вот когда остаются самые выносливые, самые удачливые, их можно учить дальше.

– Какой-то нехороший подход, – сказал Тони, вспомнив тех, с кем он был в учебке и кого теперь уже не было.

– Плохой или хороший, но это закон войны. И ему необходимо следовать, признаешь ты его или нет.

Тайлер ничего больше не сказал и принялся вычерпывать из лодки воду.

Они обогнали мертвую змею, которую обгладывала стайка рыбок-канипонов.

Сидевший на носу Джим проводил эту компанию равнодушным взглядом. Теперь он думал о капитане Васнецове, который переезжал с базы на базу, как какой-нибудь знаменитый артист на гастролях. Новеньких он учил, ветеранов – тестировал. Особенно доставалось разведчикам. Считалось, что они должны находиться в самой лучшей форме и одерживать верх над мятежниками.

Один из разведчиков, Госкойн, по секрету сообщил, что даже капитану Саскелу инструктор Васнецов не делал скидок и командир взвода ходил с фингалами.

Оставалось надеяться, что к молодым солдатам Васнецов отнесется с пониманием.

5

Когда они вернулись на базу, дождь порядком окреп. Впрочем, скопившаяся за ночь вода уже вытекла и неглубокого ручейка еще не хватало, чтобы подплыть к воротам на «казуаре». Пришлось выйти из лодки раньше и волоком втащить ее на территорию базы.

Возле строения Девятнадцать в просторном дождевике разведчиков ожидал капитан Саскел.

– Ну что? – спросил он, поглядывая на промокших насквозь бойцов.

– Вот, – сказал Рихман и подал клочок упаковки.

Капитан помял в руках этот трофей и покачал головой.

– Это от горного оборудования, мы такие и раньше находили.

– Так точно, сэр, – подтвердил Рихман, снимая с лодки водомет и панель питания.

– Если они получили целую кучу алмазов, значит, теперь перевооружаются. Причем не так, как обычно – пулеметики, новые безоткатные орудия… Сюрприз нас ожидает. Неприятный сюрприз. Ладно, затаскивайте лодку, завтрак скоро.

Рихман поднялся по ступеням, за ним проследовали Тони и Джим, волоча отяжелевший «казуар». Лодку они положили в коридоре, автоматы оставили в арсенальной комнате, потом переоделись в сухое.

Приятели испытали настоящее блаженство, когда улеглись на кровати поверх покрывал – в сухой одежде и, самое главное, – в сухих носках.

А за окном, словно спортивный автомобиль, разгонялся ливень.

– Я вот что думаю, – сказал Тони. – Тогда во время штурма форта…

– Ну?

– Ты видел, что случилось с Томом Морганом?

– Нет, не помню. Я ничего не соображал тогда, стрелял как заведенный. Менял магазины и снова стрелял… Помню, ты мне что-то орал. В общем, я был как отшибленный.

– Я тоже, – со вздохом произнес Тони. – Это от нервов. Я вот что подумал: если ни ты, ни я не помним, что Моргана убило, так, может, он живой остался?

– Ты знаешь, я о нем меньше всего думал, – признался Джек, глядя, как Госкойн выполняет возле кровати приседания. – Ну, то есть, иногда вспоминал, как в учебке вместе были, то да се… Но возвращаться к штурму не хочется…

Джим замолчал и невольно стал вспоминать. Их вместе с новичками из других подразделений собрали в одну смену и под командованием двух ветеранов отправили на Четвертый опорный.

Том Морган поехал тоже. Вместе они были в учебке, вместе в команде новобранцев, приехали с капитаном Саскелом по адресу – планета Ниланд, материк Тортуга, Двадцать Четвертая база.

Морган был самым малорослым и тщедушным, однако в учебке очень любил поговорить о патриотизме, воинском долге и работе для настоящих мужчин. Оказавшись на настоящей службе и побывав в фортах под обстрелами мятежников, он заметно скис. Жаловался при встрече, что не годится для военной службы, и опасался от страха сойти с ума.

К тому времени у Джима и Тони было в активе по одной боевой операции, хотя желание все бросить и сбежать у них сохранялось довольно долго. Уверенность пришла позже, когда они походили по джунглям, сначала с инструкторами, а потом и самостоятельно. Пережили шпионско-любовную историю с дикаркой, испытали на себе ядовитые укусы и научились пользоваться противоядиями.

Поэтому дежурства на Четвертом опорном они не боялись и воспринимали его как какую-то повинность – прихоть начальства. Все знали, что разведчики ездят на смены только

в исключительных случаях, когда нужна их помощь, однако капитан Саскел и сержант Рихман считали, что молодым разведчикам полезно узнать не только, как ходить по лесу и прятаться в болоте, но и что такое обстрел двухдюймовыми снарядами, которые били по стенам форта словно гигантские молоты.

Сам форт был хорошо вооружен. Его автоматический миномет наводился компьютером и был в состоянии выкашивать в джунглях целые поляны, а система залпового огня который год стояла без дела, поскольку еще ни разу не возникала ситуация, требующая применения оружия такого масштаба.

На следующий день, после того как новая команда заступила на смену, техническая разведка базы сообщила о передвижении в джунглях больших сил противника. Как сказал сержант Рихман – подозрительно засуетились. Поскольку «суетились» они в районах всех четырех опорных пунктов, точно определить цель их удара было трудно, поэтому ждали, когда враг проявит себя.

Ждали нападения и на Четвертом опорном.

Джим дважды выходил на разведку. Первый раз он напоролся на каких-то диверсантов, и после короткого боя его напарник, солдат-строевик, был ранен осколком гранаты в ногу. Свои вовремя прикрыли минометом, и Джиму с раненым товарищем удалось легко уйти и вернуться в форт.

Поскольку ситуация накалялась, на другой день снова пришлось выходить в джунгли. Тони хотел пойти вместо Джима, однако в бункере он был полезен как хороший стрелок. Ему первому удалось поразить со станкового пулемета два вражеских скутера. До этого они совершенно свободно плавали по озеру Лошадиная Голова, на берегу которого стоял форт.

Во второй раз в разведку с Джимом напросился Том Морган. Он признался, что очень боится джунглей, и надеялся, что если сходит в лес, то избавится от этих страхов. Джим ничего не имел против. Они сделали полукруг вдоль зоны безопасности форта, и все выглядело спокойно, однако Джима не покидало ощущение, что опасность рядом. Несмотря на это неприятное предчувствие, разведчики без проблем вернулись в форт, а вот потом с Морганом стало твориться что-то невероятное. Он посидел в уголке с четверть часа, потом поднялся и отключил минные заграждения, а затем разбил пульт управления об пол.

Все произошло так быстро, что никто ничего не успел предпринять, а потом – началось. Противник двинулся к форту тремя колоннами с трех сторон. Мятежники бежали по полям с трехуровневым минированием, однако их не разрывало в клочья, заряды были отключены.

Миномет оказался неэффективным. Специальный ограничитель не позволял ему вести огонь ни по минным заграждениям, ни по территории форта, а враги уже карабкались по лестницам и сыпались с ограждений как горох.

Форт стоял на возвышенности и имел толстые стены. Бойцы держали круговую оборону и дрались до последнего, несмотря на то что это были еще молодые солдаты. Они могли продержаться и дольше, однако противник бил по бойницам из безоткатных орудий. Снаряды залетали внутрь и рвались со страшным грохотом, рассыпая осколки и оглушая защитников форта.

Скоро остались лишь Джим и Тони. Они бы тоже погибли, если бы не догадались использовать запас сигнальных дымовых шашек. Приятели разбросали их не менее двух сотен и под покровом дымной пелены ускользнули к причалу, где и просидели до прибытия группы «отбоя».

Тем не менее спасти форт не удалось, и его взорвали практически на глазах разведчиков.

– Тома, наверное, взорвали вместе с фортом, – сказал Джим.

– Думаешь, пленных не брали?

– А кого там брать? Когда мы убегали, они уже гранаты в бункер бросали. Если кто и оставался живой, порвало в куски.

– Ладно, – сказал Тони и, поднявшись, хлопнул Джима по животу.

– Ой! Ты с ума сошел!

– Вставай. На завтрак пора.

– Промокнем.

– И ты из-за этого откажешься от завтрака?

– Лежите, парни. Я вам бутербродов принесу, – предложил Шульц. Он был почти вдвое старше обоих стажеров и часто выводил их в джунгли, обучая разным фокусам. Именно он принимал у Джима с Тони зачет по метанию гранат с отскоком от одного и даже двух деревьев. Случалось, что в лесу, в плотном бою среди чащи, это помогало поразить противника там, где он чувствовал себя в безопасности.

Шульц внимательно приглядывал за молодыми разведчиками и полагал, что со временем из них выйдут хорошие солдаты, однако он намеренно играл роль сурового старшего товарища и единственный из всего взвода по-прежнему называл их стажерами.

– Лежите, ребята, отдыхайте. Я принесу вам бутерброды с рыбой.

– С рыбой? – скривился Джим. – Нет уж, лучше я немного промокну. Как говорится, завтрак съешь сам.

– Завтрак съешь сам, обед раздели с марципанами, а ужин отдай мятежникам, – подвел итог Госкойн. Еще недавно он валялся с ранением в санчасти, однако сбежал оттуда еще до дождей. Теперь он каждый день занимался зарядкой, надеясь прийти в форму и ходить на задания, когда выглянет солнце. Поскольку спортивная площадка была залита водой, Госкойн день за днем поднимался и спускался по единственной лестнице, которая вела на второй этаж – там располагалась жилая комната, она же кабинет капитана Саскела.

Саскел ругался, говоря, что своими тренировками Госкойн сотрет ему на лестнице все ступени, однако выздоравливающий не обращал на это внимания и продолжал курс реабилитации.

– Кто идет на завтрак? – громко спросил вошедший в помещение Рихман.

– Все идут! – за всех ответил Краузе, и разведчики стали собираться. Ливень на улице уже просто ревел, поэтому бойцы надевали поверх ботинок тонкие прорезиненные бахилы от костюма химизоляции, а сверху плотные плащи.

Только когда все были готовы, сержант повел взвод к выходу.

6

Дождь обрушился на них водопадом. Он молотил по головам и плечам, заставляя пригибаться. Мимо проносился бешеный поток, пока еще неглубокий – по щиколотку. Вода кипела и пузырилась, однако была чистой, словно в горной речке. Все, что могло ее запачкать, было смыто давным-давно.

Разведчики колонной двинулись в сторону столовой, по привычке ступая след в след. В такой дождь на территории базы перемещались только группами, чтобы помочь, если кто-то вдруг упадет и его потащит течением. Когда глубина потока поднималась до колен, он становился опасен и мог расшибить человека о стену. Раньше, когда еще не знали, чего ожидать от местной погоды, были случаи утопления.

Если возникала необходимость добраться до какого-то из строений ближе к вечеру, когда глубина потока достигала метра, приходилось осуществлять целую операцию, в которой участвовали несколько человек с веревками.

Иногда заводились разговоры о строительстве на базе галерей, чтобы безбоязненно ходить по ним во время дождливого сезона, однако всякий раз военные чиновники в Антвердене не находили на это денег. И Саскел сказал своим солдатам – забудьте, это только пустопорожние разговоры.

По мнению Джима и Тони, завтрак был хороший. Оба они происходили из небогатых семей, поэтому имели привычку по утрам есть каши – а их выбор был огромен.

Повара на базе считались такими же героями, как и солдаты, и могли приготовить какие угодно блюда. Они не упускали ни одного пожелания тех, кого кормили, и, если кому-то нравилось поострее, – делали поострее. Другому посильнее поджаривали, а третьему клали побольше сахара. В своем стремлении учесть даже мало-мальские и, возможно, надуманные требования солдат, они переходили все разумные пределы.

За это население базы обожало своих поваров, устраивало им шумные дни рождения, а шеф-повару Сэму Дорфману, вольнонаемному из Антвердена, разведчики притаскивали из леса насекомых, из которых он собирал большую и серьезную коллекцию. Собиравший бабочек Док считал Дорфмана почти равным себе.

После завтрака разведчики с теми же предосторожностями все вместе вернулись в строение Девятнадцать, где их поджидал капитан Саскел. Он получил свежую метеосводку, в которой сообщалось, что до конца сезона дождей осталось семь-восемь дней.

– Хорошо бы, сэр, – сказал Госкойн. – А то уже надоело в этом склепе мариноваться.

– А я бы в футбол поиграл, – задумчиво произнес Шульц. – С этими дождями совсем зачахнуть можно.

От нечего делать все снова разлеглись по кроватям. Несколько человек поднялись к капитану, чтобы посмотреть один из тех фильмов, которые уже видели. Запас свежих вышел давно, ведь во время дождей никакой связи с внешним миром у базы не было.

– Эх, как же тепло было у нас в Галлиополисе, – сказал Тони.

– Помню. Жара, пыль. А еще биржа труда, – отозвался Джим и вздохнул.

– Да, ты прав, полный набор. Не оценило нас общество, не оценило, а мы вон какие стали…

Джим вздохнул, вспоминая жизнь в родном городе. Всегда какую-то испуганную, суетливую мать, ее картофельные оладьи. Они настолько хорошо у нее получались, что Тони постоянно набивался в гости, чтобы их попробовать.

Мать до сих пор не знала, что Джим в армии. Когда был в учебке, врал по телефону, что учится на страхового агента. Наверно, она не знала и того, что погиб дядя Эдгар – полковник Форсайт. Хотя, возможно, теперь ей уже сообщили.

В прежние времена дядя Эдгар приезжал в Галлиополис из большого Сан-Лоиса. Шумный, уверенный в себе. Он был военным и работал в тыловом обеспечении, быстро продвигаясь по службе. Видимо, к его рукам что-то прилипало, поскольку у него был дом с бассейном в престижном районе, большая сверкающая машина. Дядя Эдгар всегда курил дорогие сигары и носил часы, какие Джим прежде видел лишь в витринах ювелирных магазинов рядом с ценниками со многими нулями.

Джим с Тони могли бы так и прожить свою жизнь в провинциальном Галлиополисе, если бы не случай. В поисках работы они, совсем того не желая, затеяли ссору с хозяином одного из новых открывшихся кафе. Слово за слово – началась драка, в которую неожиданно вмешалась Розалия Мартинес, с которой Джим и Тони еще недавно учились в одном классе.

Приятели не жаловали эту вечно надутую девицу, и она отвечала им взаимностью. Сначала Розалия приняла активное участие в драке, а когда прибыла полиция, заявила, что Тони и Джим пытались ее изнасиловать. Это была ее личная месть Тони, который когда-то обозвал Розалию кривоногой.

Поначалу полицейские вели себя довольно миролюбиво и хотели спустить ссору на тормозах, однако Розалия настаивала на своих обвинениях, а ее дружок, несостоявшийся работодатель, почти в открытую сунул полицейскому капралу деньги, чтобы тот упек приятелей в тюрьму.

Пока составляли протоколы, Джим и Тони еще не верили в серьезность намерений полицейских, но, когда их посадили в клетку и повезли в участок, приятелям сделалось страшно. Они ухитрились украсть у капрала протоколы – тут пригодились длинные и худые руки Тони, – а потом сжевали их, хотя это было нелегко, бумага оказалась ламинирована несъедобным пластиком.

В участке ребят стали пугать, уверяя, что им светит по семь лет. Однако помог государственный адвокат, который, основываясь на отсутствии протоколов, потребовал выпустить задержанных, а затем посоветовал им исчезнуть из города месяцев на шесть.

Пришлось бежать, к счастью, было куда – к дяде Эдгару в Сан-Лоис. Он и сам приглашал Тони, удивляясь, что молодой человек ищет работу в Галлиополисе.

Собрав скопленные за несколько лет деньги, приятели с трудностями пробрались в аэропорт и буквально под носом у полиции проскочили на воздушное судно. Однако на этом их приключения не закончились. В аэропорту Сан-Лоиса беглецов ждала местная полиция: из Галлиополиса сообщили, что Джим и Тони – террористы.

Им помогла короткая любовная интрижка, которую приятели закрутили с одной из бортпроводниц. Она спрятала горе-террористов и помогла им покинуть судно. Их провезли в пластиковых гробах, а стоящие в оцеплении полицейские такого рода багаж досматривать не захотели.

В порту ждал дядя Эдгар. Он увез Джима и Тони в свой загородный дом, а наутро они вместе отправились в Сан-Лоис, где приятели поступили в учебку. Ее выпускникам грозила отправка в районы боевых действий, однако полковник Форсайт пообещал забрать приятелей к себе в службу тыла и пристроить на теплые места.

Джим и Тони были счастливы и мысленно уже примеряли на себя красивые машины и дорогие дома, как у дяди Эдгара, однако случилось непоправимое – дядя Эдгар погиб.

Это произошло совершенно неожиданно. В учебке Джима нашел офицер Службы Экономической Безопасности. Он неожиданно сообщил Джиму, что его дядю поймали на воровстве, а затем предложил навестить полковника Форсайта в здании гауптвахты, куда его привезли специально для встречи с племянником.

Увидев, в каком состоянии находится дядя Эдгар, Джим впал в шок. Он не представлял, чтобы людей могли избивать до такого состояния. Неизвестно, зачем нужно было это свидание, Джиму показалось, что полковник Форсайт даже не понимал, что происходит.

Когда они с Тони уже выходили из камеры, позади прозвучали выстрелы – это застрелили дядю Эдгара. То ли он бросился на охранников, то ли были другие причины. С улицы Джим и Тони наблюдали, как в военный фургон забросили тело в окровавленном мешке. С этого момента приятели лишились прикрытия и им светила только отправка в действующие части. Так они и подписали пятилетний контракт, до конца которого в воюющей армии редко кто доживал.

Однако делать было нечего. В случае, если бы они отказались от военной службы, им грозил штрафной батальон, что на практике являлось смертным приговором.

До Ниланда добирались более двух недель. Дорога так вымотала новобранцев, что они оказались безмерно рады, прибыв наконец на Двадцать Четвертую базу.

Все это происходило совсем недавно, но теперь казалось, что с тех пор прошло уже очень много времени.

Должно быть, Тони думал о том же, что и Джим.

– Интересно, – сказал он, – вот если бы твой дядя не погиб, где бы мы теперь были, как думаешь?

– Наверное, жили бы на казенных квартирах. Носили бы офицерскую форму.

– Какую офицерскую? Дядя Эдгар говорил о сержантских должностях. А уже потом, через полгода, после офицерских курсов можно было начать карьерный рост.

– Да-а, – протянул Джим. – Про джунгли уж точно бы ничего не знали.

– А чего о них знать? Сиди да бумажки перебирай. И взятки иногда бери с нерадивых кладовщиков. Вот и вся работа… Ты Джеки свою вспоминаешь?

– А чего это «свою»? – возмутился Джим. – Никакая она не моя. Она вражеская шпионка.

– Ну, шпионка – не шпионка, однако несколько дней ты не мог ни думать, ни говорить ни о чем, кроме нее. Я всерьез опасался, что ты допрыгаешься до военной тюрьмы.

– Может, я и думал бы о ней, если бы она тогда, после разоблачения, мне прикладом в морду не заехала. После этого случая моя любовь куда-то подевалась.

– А мне по яйцам… Ногой… – вспомнил Тони и вздохнул.

– А капитану Муру так под дых врезала, что он пополам сложился!.. – вспомнил Джим, и они засмеялись.

– Тайлер! Симмонс! – позвал сержант Рихман, появляясь в жилом помещении. – Чего валяетесь?

– А чего делать-то?

Приятели вскочили с кроватей и стали быстро поправлять покрывала.

– В арсенальную надо идти. Там для вас работа есть.

– Какая работа?

– Ну идите – покажу.

Джим и Тони пошли за сержантом. В комнате, где хранилось оружие и боеприпасы, ярко горели лампы. Это удобство стало доступно относительно недавно. Приятели еще застали тот период, когда маломощная энергоустановка едва справлялась с питанием радиоаппаратуры в штабе. Все сидели в темноте и лишь изредка пользовались переносными фонарями. Позже привезли более мощный генератор, необходимость в слабых фонарях на химических батареях отпала.

– Итак! – сказал Рихман и начал доставать из-под стеллажа ящики с патронами, расставляя их на столе. – Вот здесь десять тысяч патронов. Понимаете?

– Не смеем с вами спорить, сэр, – сказал Тони.

– А ты не остри, Тайлер. Не остри, – предупредил его сержант. – Вот вам калибровочные колечки…

С этими словами Рихман достал из кармана две железки, похожие на отрезки трубы, однако отверстия в них были конические.

– Берете патрон, – сержант взял патрон из открытого ящика и продемонстрировал его Джиму и Тони, как будто был уверен, что они ничего подобного не видели. – Потом вставляете его в кольцо. Если патрон заходит в него полностью и остается в кольце, не выпадая при переворачивании, значит, боеприпас стандартный. Если же он в кольце болтается, либо, что еще хуже, не входит до конца, значит, патрон этот нужно откладывать в сторону. Его может заклинить в автомате.

– И сколько таких нестандартных боеприпасов мы можем обнаружить, сэр?

– По статистике, три штуки на тысячу.

– И что, они обязательно заклинивают? – уточнил Джим.

– Необязательно. Автомат так устроен, что может сожрать патрон с незначительными отклонениями.

– Тогда зачем калибровать?

– А затем, что иногда это все же случается. И чаще всего в самый ответственный момент. Ты только представь – сталкиваешься нос к носу с мятежником, и вы одновременно вскидываете автоматы. Если у тебя заклинит патрон, он тебя убьет.

– А если не заклинит?

– Тогда вы убьете друг друга…

Джим вздохнул и подмигнул Тони. Оба понимали, что эту работу Рихман специально придумал для них, чтобы разведчики от безделья не превращались в манную кашу.

Между тем в арсенальную стали заходить и другие бойцы взвода, в том числе и самые заслуженные. Они забрали из пирамид автоматы, чтобы заняться их чисткой, хотя те и так были чистыми.

7

Прошли монотонные, пропитанные дождевой водой дни и недели. Однажды ночью Джим проснулся от странной тишины. Он успел привыкнуть к тому, что по ночам ливни крепчали и ревели словно водопады. Сейчас же не было слышно ничего, даже падения отдельных капель.

Джим поворочался и уснул, а утром проснулся от шума, что тоже было непривычно, ведь прежде по утрам было относительно тихо – после ночного буйства ливней наступало время «окна».

Теперь с улицы доносился стрекот вертолета. Машина пролетела над строением Девятнадцать и ушла на юг.

– Тони… Тони… – стал расталкивать друга Джим.

– Ну? – ответил тот и, повернувшись, взглянул на стенные часы. – Ой, да ты с ума сошел – только 5.30. Я еще целый час спать могу!..

– Дождь кончился!

– Дождь кончился?

– Да, смотри! – и Джим указал на светлеющее окно, за которым угадывался зарождающийся рассвет.

– Вот это да… Дожили, значит. Ну ладно, поздравляю тебя. Теперь давай спать.

И они снова заснули, а через час их разбудил сержант. Как бы рано ни поднимался взвод, Рихман всегда оказывался уже одетым, чисто выбритым и деловым.

– Вставайте, лежебоки! Дождь закончился, и впереди много работы.

Солдаты вскакивали со своих кроватей и сразу смотрели в окно. За сетью стальных жалюзи действительно проглядывало синее небо и солнце на нем. Это было так непривычно.

Все стали быстро одеваться и выскакивать на улицу, чтобы удостовериться, что спячка закончилась. Там действительно было сухо, и повсюду, где еще вчера бежали водяные потоки, о них напоминали только песчаные наносы.

Два вертолета кружили в воздухе, проверяя двигатели. Еще один раскручивал винты на площадке. Со стороны автопарка тоже слышались звуки прогреваемых моторов.

После завтрака практически весь состав базы вышел на уборку территории. Где-то подмыло асфальтовые дорожки, где-то нанесло кочки. Однако разведчиков эта работа не касалась, поскольку им предстояло сразу же заняться своей собственной.

Капитан Саскел ставил задачу лично.

– Все идете в лес и обновляете маршруты. Обращайте внимание на каждую мелочь – возможно, обнаружите следы противника. Хоть и считается, что дождливый сезон для боевой работы не годится, однако слепо верить этому не стоит. Правила на то и существуют, чтобы их нарушать. Для начала пройдите хотя бы километр, а если позволит состояние почвы, то и полтора-два.

Рихман стал разбивать людей на пары. Джим и Тони остались вместе.

– Пойдете на запад, – сказал сержант. – Дорожка вам знакомая.

– Мы еще и на юг ходили, – напомнил Джим. В словах сержанта ему показался намек на то, что он бегал к притоку реки, когда крутил бурный роман с дикаркой.

– На юг ходил только Тайлер, – возразил сержант. – А ты тем временем бегал на запад. Дорога вам обоим хорошо знакома, вы там все знаете, потому сразу заметите подозрительные детали, если таковые будут. Если вопросов нет, обсуждение закончено. Собирайтесь, и – на маршрут.

Несмотря на то что прогулка по отсыревшим за время дождей джунглям не обещала быть легкой, все разведчики радовались началу нового рабочего сезона. На задание уходили парами, с улыбками до ушей, а на территории базы вовсю кипела работа. Шуршали метлы, поскрипы-

вали тачки, и солдаты приветствовали разведчиков, которые в полной боевой экипировке первыми открывали сезон.

Часовые у ворот тоже выглядели бодро. Теперь им не было необходимости привязываться страховочной веревкой и прятаться под бетонным козырьком.

Джим и Тони вышли за ворота и огляделись. Все вокруг выглядело непривычно. Воды не было, но и дорога выглядела иначе, занесенная песком и жирным илом. Минное поле, изолировавшее базу по всему периметру, выглядело как болото. Здесь, на северной стороне, отчетливо были видны три ямы, оставшиеся там, где подорвались опустившиеся на дно зурабы. Непрерывность минных заграждений требовалось восстановить, однако для этого надо было ждать, когда поле подсохнет и пройдет специальную обработку. После каждого дождливого сезона землю поливали специальным химическим составом, который уничтожал растительность и разрыхлял почву.

Идти по наносам было нелегко, ноги вязли в грязи, однако с козырька кепи не капала вода и ботинки не тяжелели с каждой минутой.

– Здорово! – не удержавшись, поделился впечатлениями Тони, когда они стали огибать базу с запада.

Солнце приближалось к зениту и уже начинало заметно припекать. Это было непривычно. Пока друзья добрались до западной дороги, их прошиб пот.

У ее начала они остановились. Знак «Стой! Заминированный сектор!» после дождей покосился. У Джима возникло желание его поправить, однако он вовремя одернул себя – знак стоял на заминированной территории.

Тони достал рацию и привычно связался с диспетчером.

– Ответьте западной дороге…

– Диспетчер Казбич. Слушаю…

– Здесь разведчики Симмонс и Тайлер.

– Сейчас взгляну… – ответил диспетчер.

Джим уже знал, что сейчас их разглядывают с помощью телекамеры, установленной на бетонном ограждении базы. Первое время его это даже конфузило и было такое ощущение, что за ним подсматривают. Позже он привык.

– Внимание, разведка: сектор открыт. Повторяю: сектор западной дороги открыт. Напоминаю, что для вас это правая сторона. Там хоть видно, какая правая? – на всякий случай уточнил диспетчер.

– Нормально, – ответил Тони. – По вешкам сориентируемся.

– Удачи, разведка…

Разведчики вышли на дорогу, держась правой стороны. Первые десять метров были заряжены сигнальными минами, чтобы те сработали, если цепь по каким-то причинам окажется включенной. Впрочем, ничего не произошло, а значит, мины спали.

Джим вспомнил, как подрагивали его ноги, когда он впервые шел по этой дороге, зная, что под ним трехслойное минирование. Не успокаивало даже то, что их вел лично сержант Рихман.

Несмотря на то что дорога выглядела сильно попорченной, наносы на ней успели высохнуть. Кое-где, помимо грязи, оставались длинные спутанные бороды водорослей, принесенные с вышедшей из берегов реки.

– Вот почистят дорогу, и все будет как прежде, – сказал Джим и вздохнул.

– Это ты о чем? – полуобернувшись, спросил Тони.

– Служба потечет своим чередом. А через три месяца будет уже год, как мы служим.

– Здорово, – согласился Тони. – И останется только четыре года.

– Ты вроде как недоволен? Опять свинтить хочешь?

– Пока мне еще интересно. Но вот что я скажу тебе еще через год, это вопрос открытый…

Неожиданно Тони сдернул автомат и присел на колено. Джим чуть поотстал и тоже снял оружие.

Впрочем, тревога оказалась ложной. Сломанная ливнями ветка сорвалась с дерева и напугала приятелей.

– Ты молодец, – сказал Джим, переводя дух. – Я так быстро не среагировал.

– Ерунда, просто я иду первым, – возразил Тони, снова подтягивая автомат в походное положение.

– Что-то жарко становится. Тебе не кажется?

– Да пекло просто, – согласился Тони. – Сейчас в лес зайдем и водички хлебнем. Привыкать надо постепенно.

Добравшись до деревьев, Джим и Тони остановились, ожидая реакции диспетчера, который продолжал их контролировать. Диспетчер запаздывал, и Джим, достав противоминный сканер, повел им из стороны в сторону. Конечно, найти здесь мину после сезона дождей было маловероятно, однако, как говорил сегодня утром капитан Саскел, правила существуют для того, чтобы их нарушать.

Наконец очнулся диспетчер.

– Але, разведка, – послышалось из рации Тони. – Вижу, что сектор покинули. Подтверждаете?

– Да, подтверждаем, – ответил Тони.

– Тогда я включаю контур. Как поняли?

– Поняли правильно. Включайте.

Джим привычно посмотрел на базу. Ему всегда казалось, что он видит этот грозный барьер, который в одно мгновение отгораживал их от базы.

8

Когда напарники вошли в джунгли, перед ними предстал совершенно другой лес. Напитавшиеся избыточной влагой листья на деревьях выглядели раздутыми. Ядовитые гады медленно ползали по веткам, растеряв свою боевую окраску.

Красные змеи стали оранжевыми или побледнели до розового. Зеленые древоточцы побурели, а опасные жучки-жемчужники из серебристых стали белыми. Всем им требовалось время, чтобы прийти в себя.

Вместе с тем воды на земле почти не осталось. Так уж устроен был этот лес, чтобы быстро избавляться от лишней влаги. В противном случае он бы не пережил даже первого сезона дождей.

Вода ушла, но оставила целые кучи мусора, состоявшего из обломанных ветвей и измочаленных лиан. В некоторых местах ушедшая вода нагромоздила целые буреломы из вырванных с корнем молодых деревьев.

Такие места приходилось обходить. Мусор оседал буквально на глазах и источал запах гниющих водорослей – так пахли ядовитые лианы, которые подкармливались белком, растворяя липким соком насекомых.

Впрочем, росли в джунглях и настоящие вонючки. Однажды сержант Рихман показывал стажером одно неприметное с виду деревце. Если попытаться его срубить или случайно поранить, оно начинало выделять сок, вонявший так, будто где-то прорвало канализационный коллектор.

С осторожностью перешагивая через ветки, Джим и Тони то тут, то там замечали водных обитателей, которые совсем недавно плавали среди деревьев, как у себя в речке. Почему их попадалось так много, было непонятно. Возможно, на мелководье они были оглушены ливнем.

Время от времени Джим включал сканер, чтобы проверить ту или иную кучу гниющих листьев. Однажды датчик даже запищал, однако, как ни ходили приятели вокруг огромной кучи мусора, раскапывать ее так и не решились.

В одном месте наткнулись на целый отвал из обломанных ветвей и жесткой травы. Он тянулся чуть наискось от курса, которым двигались разведчики, вынуждая их смещаться вправо.

Пройдя вдоль вала метров пятьдесят, Джим и Тони были вынуждены остановиться. Мимо них широким потоком катилась река гигантских муравьев-рейтаров. Они стремительно взбегали на мусорный вал и скрывались на другой его стороне.

– Ну что, так и будем стоять? – спросил Джим, глядя на бегущих мимо муравьев, каждый из которых тащил свежий листочек сладкой пинагры или янтарное яйцо, не уступавшее размерами куриному.

– А что ты предлагаешь?

Тони еще раз посмотрел на муравьев, пытаясь на глаз определить опасность их челюстей.

– Давай перепрыгнем через них и пойдем дальше, – предложил он.

В этот момент одновременно запищали рации Джима и Тони, это означало, что на связь вышел сержант Рихман.

– Слушаю, сэр, – отозвался Тони.

– Как вы там? Надеюсь, баб не встретили?

– Для них здесь еще слишком сыро. Но муравьев хватает – текут как река.

– Прямо перед вами?

– Ну да. – Они свою царицу уже протащили?

– Что, сэр? Вы сказали – царицу? – удивился Тони.

– Ну да. Если потащат, вам нужно отойти подальше, а то они вас атакуют. Так кислотой забрызгают, что на вас ботинки расползутся.

– Да? – Тони стал осматриваться, и Джим тоже. – Что это за царица, интересно, и как нам узнать, когда ее потащат?

– Обычно перед ней несут яйца с будущими муравьями, – начал разъяснять Рихман. – А потом, как океанская волна, появится свита царицы. Они…

Дослушать Тони не успел, Джим схватил его за рукав и потащил прочь от муравьиной реки.

– Эй!.. – удивился Тайлер, однако услышал громкий шелест с той стороны, откуда шли муравьи. Шелест становился все громче и скоро начал дополняться отчетливым потрескиванием.

– Ну что там?.. – забеспокоился сержант.

– Кажется, они несут эту царицу, сэр! Как далеко нам отойти?

– Да вам не отойти, вам бежать надо! – посоветовал сержант, и напарники стали пятиться, не спуская глаз с муравьиной реки. Они отошли метров на двадцать, когда над потоком муравьев появился огромный ком шаровидной формы – не меньше метра в диаметре. Двигался он плавно, поскольку бежавшие перед ним муравьи заполняли собой все неровности и стелились живой дорогой в несколько слоев. Джим ожидал, что перед полутораметровым валом мусора у насекомых возникнут трудности, однако этого не произошло. Волна насекомых достаточно легко вознесла царицу по неровному склону, при этом передние своевременно выстелили дорогу, сделав ее идеально ровной.

Ком перевалился через мусорный вал и исчез. Муравьиная река стала сужаться, мелеть и вскоре вернулась к первоначальной ширине.

– Сэр… – позвал Тони.

– Ну, – ответил сержант.

– Они пронесли ее.

– Хорошо. Теперь можете спокойно перепрыгнуть через них и идти своей дорогой.

– Спасибо, сэр!

– Не за что. Повнимательнее там.

9

Удачно отделавшись от муравьев, разведчики пошли дальше. Вскоре вал лесного мусора оборвался, и друзья получили возможность вернуться на прежнюю знакомую тропу. Впрочем, называть ее сейчас знакомой было трудно – все здорово изменилось, однако прямо на глазах в лесу происходило обновление.

Из-под коры погибших деревьев, из дупел выбирались ядовитые слизни, которые просидели в тайниках весь дождливый сезон, от огорчения поедая друг друга. Теперь они ползли по стволам деревьев длинными колоннами, а затем разбредались каждый на свою ветку. При этом за каждым взрослым слизнем ползли несколько совсем маленьких и почти совершенно прозрачных. Должно быть, они вывелись за время дождей, а значит, слизни даром время не теряли.

В разгар сухого сезона от этих тварей было много неприятностей. Они сбивались в кучи размерами с футбольный мяч, а потом обрушивались вместе со скапливающимся на широких листьях конденсатом.

И Джиму, и Тони случалось попадать под дождь из этих гадов. Потом приходилось умываться росой, чтобы смыть с лица яд, который вызывал сильное жжение.

– Заметь, как пусто вокруг. Метров на пятьдесят видно, а раньше – метр-два, и все, – заметил Джим.

– Это потому, что лиан нету. Оборвало их все напрочь. – Точно, – Джим остановился и указал рукой вверх. – Одни розетки от них остались.

И действительно, в кронах деревьев были заметны розетки лиан, похожие на синеватые шляпы с широкими полями. Нижняя часть полей выглядела отвратительно, вся в каких-то ярко-красных наростах. Неожиданно раздался негромкий хлопок, и из одного из таких наростов высунулся полуметровый белый росток.

Приятели даже вздрогнули.

Росток изогнулся, словно змея, и, нащупав ствол дерева, закрепился на нем.

Потом, еще звонче, взорвался другой нарост, высвободив новый росток. Они двигались как живые, и это шокировало приятелей.

– Слушай, пойдем отсюда, – сказал Джим.

– Пойдем, – согласился Тони. – Гадость какая. Даже не поймешь, что это – растение или животное.

Разведчики пошли дальше, с интересом наблюдая за пробуждением леса. В одном месте они ступили на полянку, усыпанную белыми точками. Джим присел, однако так и не понял, что это. И лишь знакомый резкий запах помог разгадать загадку. Это была свежая поросль грибов-галлюциногенов. Если их не тревожили, они вырастали до размеров среднего арбуза, но имели подлое свойство лопаться и выбрасывать бурые облака спор. Дышать ими было почти смертельно опасно.

Сойдя с подозрительной полянки, Джим и Тони попили из фляг воды и, определившись по наручным навигаторам, пошли дальше.

– Скоро выйдем к тому самому месту, – пряча улыбку, сказал Тони.

– Смотри, вон на ветке твой приятель, – заметил Джим, отвечая на колкость Тайлера. Приятелем он назвал сонного шипохвоста. Большое насекомое, имевшее на хвосте длинный стилет с ядовитым каналом, напало однажды на Тони и ужалило его в ногу.

– Подумаешь…

Тони подошел к кусту и смело сбил шипохвоста. Потом еще ссадил с ветки паука-вампира с тремя парами черных немигающих глаз.

Напарники продолжили путь и через полчаса вышли к притоку реки Калпета. Джим стал осматриваться, а Тони внимательно за ним наблюдал. Чуть дальше, метрах в пятидесяти, происходили бурные встречи Джима с его дикаркой. Они орали как кошки.

– Я не об этом думаю, – не глядя на Тони, сказал Джим. – Раньше здесь попадалось много зурабов. Следует быть осторожными, а то пострадаем, как тот марципан.

– Он был не марципан. Он был мали, – напомнил Тони. Речь шла о напарнике Джеки-шпионки. Симмонс обнаружил его во время последнего свидания с дикаркой и погнался за ним, но это было частью плана Джеки. Она выступала под видом девушки из племени марципанов, у которых встречи на стороне карались смертью. Предполагалось, что, показавшись солдату, шпион-мали сыграет роль соглядатая-марципана. Он должен был ускользнуть, и тогда Джиму ничего не оставалось бы, как только привести девушку на базу, чтобы не допустить ее гибели от рук соплеменников.

Но дикарка недооценила молодого разведчика. Он гнал шпиона, как лесной хищник, и непременно пристрелил бы его, если б не спадавшие штаны, которые приходилось то и дело поддерживать.

Однако то, что не удалось Джиму, сделал за него один из зурабов. Он сбил шпиона ударом хвоста, когда тот перебирался через реку по упавшему дереву.

– Нам – к протоке, – сказал Джим и пошел вперед, стараясь избавиться от нахлынувших воспоминаний. То, что Джеки ударила его в лицо прикладом – тогда, в кабинете капитана Саскела, – он уже почти забыл, а вот их встречи…

– Интересно, что с ней стало, как думаешь? – спросил Тони. Его эта тема тоже интересовала.

– Ее увезли в Антверден – это все, что я знаю.

– Ну это понятно. Я к тому – посадили ее в тюрьму или, может, расстреляли?

Джим остановился и, повернувшись, сказал:

– Давай закроем эту тему. А если тебя этот вопрос так мучает, спроси у капитана Мура.

– Так он мне и скажет! И потом, если дело действительно серьезное, ему ничего не сообщат. Кто он такой – простой капитанишка из тропического гарнизона!

Вскоре показался речной рукав, который сейчас выглядел как настоящая река. Через неделю-другую он должен был вернуться к прежним границам, а пока вода плескалась среди кустов и не спешила уходить в русло.

– Опасно тут. Зурабы могут прятаться даже за деревьями, – сказал Тони.

– Пройдем чуть дальше, там кусты пореже, – вспомнил Джим, осматриваясь. Прежде зурабы свободно ходили по земле и их было видно. Вблизи воды они копали себе лежки – почему-то им нравилось лежать в разрытой земле.

Теперь Джим и Тони держали автоматы наготове, опасаясь, что водяные хищники готовят сюрприз.

10

Квасневского разбудили ночью, в начале второго. Сказали, что нужно куда-то плыть, а куда плыть, если на Лошадиной Голове чуть ли не шторм? При высокой воде озеро волновалось, словно море.

Однако курьеры никаких подробностей не сообщали и доставили Квасневского в палатку самого команданте.

Ферро был взволнован и говорил громко, как на митинге.

– Квасневский! – сказал он. – Моя репутация и репутация нашего отряда под вопросом. Двое напившихся свиней, которые безусловно ответят за свой проступок, плохо закрепили связки, и поднявшиеся ночью волны смахнули с причала семь ящиков с ценным оборудованием. Скажу прямо – с боевым оборудованием. Пять ящиков успели вытащить, но еще два унесло течением и волнами. Найди их.

– А если я не найду их, наше наступление может сорваться?

– Наступление состоится в любом случае, мы теперь сильны как никогда. Однако если я снова запрошу у верховных камрадов потерянные детали, они посчитают меня поганцем. И меня и весь мой отряд… – Команданте Ферро вздохнул, подошел к коробочке с нюхательным табаком и, втянув в себя добрую пригоршню, с треском чихнул. – В конце концов это дойдет до генерала Тильзера. Представляешь?

– Да, команданте. Представляю себе.

– Вот то-то и оно, Квасневский. Ты старый проверенный камрад, тебе, как говорится, и знамя в руки.

– Обычно говорят – карты.

– Что?

– В поговорке говорят – тебе и карты в руки.

– Да-да, конечно. Возьмешь с собой камрадов Джуза и Ранкера. Их уже оповестили.

– Что мне делать с ящиками, если я их найду?

– Отбуксируешь к берегу и там привяжешь.

– Дело в том, команданте, что тащить по волнующемуся озеру ящики очень нелегко. Выдел я их, они очень большие – час времени уйдет на буксировку, это точно. Может, я лучше буду привязывать к ним якорь? Это позволит выиграть время, если я найду сначала один.

– Ну что ж, делай как считаешь нужным. Ты человек речной, тебе виднее. Если больше вопросов нет – можешь идти. Время дорого.

– У меня один вопрос, команданте, – несмело улыбнувшись, произнес Квасневский.

– Спрашивай.

– А что там в этих ящиках?

– В этих ящиках детали партизанского штурмовика, который называется «альбатрос».

– Неужели самолет, команданте? Кто же нам так помогает?

– За хорошие деньги помогут многие, камрад, – доверительным тоном сообщил Ферро. Начав говорить, он не мог остановиться. – Если хочешь знать, построили этот самолет на фирме «Эдельвейс-Бельков-Блом», которая работает на правительство.

– Во как!.. – поразился Квасневский.

– Именно так, камрад. А теперь поспеши исполнить свой долг и найти ящики, в которых лежат детали этого самого партизанского штурмовика «альбатрос». Способного взлетать с коротких площадок прямо из джунглей.

– Ува-на! – снова поразился Квасневский.

– Да-да, а с бетонированной площадки возможен даже вертикальный взлет…

– У нас будет своя авиация!.. – воскликнул Квасневский, но Ферро тотчас прикрыл ему рот ладонью.

– Тс-с! Тише. Никто не должен знать этого до времени. Понял?

– Понял, – шепотом ответил Квасневский.

Впрочем, даже без этого разговора с команданте Квасневский, как и каждый боец в отряде, знал, что в ящиках было новое оружие.

С новым оружием обещали новое наступление и изменение расстановки сил в Междуречье. С ним бойцы освободительной армии генерала Тильзера рассчитывали наконец дойти до Антвердена.

Недавний успех, когда удалось уничтожить Четвертый опорный пункт федеральной армии, вскружил мятежникам головы. Многие из них воевали на материке Торгуга по пять-семь лет, и теперь, по их мнению, наступил момент, когда война закончится и установится мир. И не просто мир без войны, а всеобщее равенство и благоденствие. По крайней мере так говорил генерал Тильзер, а ему безоговорочно верили.

Подъем, царивший в войсках мятежников после уничтожения форта, держался весь долгий сезон дождей. И ведь как все оказалось просто – мятежникам и раньше удавалось захватывать форты, однако удержать их они не могли, слишком неравными были силы. У армии имелось все – штурмовики, вертолеты, разведроты. Сначала захватчиков обрабатывали бомбами, затем стригли из авиационных пушек и последним аккордом служили газовые шашки и солдаты.

С таким трудом захваченный форт приходилось отдавать, и результатом всего этого являлась лишь краткосрочная политическая акция.

Теперь же прорыв был очевидным. Один форт оказался полностью разрушен и оставались еще три. С новым оружием можно было пройти победным маршем до Двадцать Четвертой базы, а уж затем – до Антвердена.

Помимо блестящего результата совершенно иным оказался и способ овладения вражеской цитаделью. Теперь уже совершенно открыто рассказывали о том, что минные поля вокруг форта были отключены одним из федеральных солдат. Благодаря этому мятежники без потерь приблизились к крепостной стене и легко преодолели ее с помощью лестниц.

Внутри периметра, на подходах к бункеру, полегло полторы сотни человек, однако эти потери нельзя было сравнить с прежними штурмами, которые оплачивались куда большими жертвами.

Гарнизон форта вызвал подмогу, однако она опоздала. Вертолет с солдатами прилетел слишком поздно. Сначала он ловко увернулся от пущенной из джунглей ракеты, а затем сел на мелководье и начал высаживать десант. Тут-то его и взяли на прицел «безоткатчики».

Сначала в вертолет попал один снаряд, а потом сразу два. Машина вспыхнула и после еще одного попадания взорвалась. Правда, к этому моменту весь десант сумел отбежать подальше. Им оставалось лишь подобрать двоих человек, которым посчастливилось выскользнуть из окруженного бункера и убраться в лес.

А потом этот финальный взрыв форта, Квасневский наблюдал его с дальнего берега озера, когда подвозил на скутере снаряды для безоткатных орудий.

По приказу команданте Лаэрта, по следам ушедших разведчиков была пущена группа преследования, однако никто из этой группы не вернулся. Позже их нашли в лесу, солдаты расстреляли их из засады.

Впрочем, все это было допустимой платой за то, что самый ненавистный и самый мощный из фортов был наконец разрушен. На его месте оставались лишь обугленные руины, и, если бы не обработка этой территории супергербицидом, весь холм давно бы зарос молодым лесом.

Около двух часов ночи Квасневский пришел на причал. Часовых не было, они прятались от ветра где-то на берегу под деревьями. Причал раскачивало волнами, и удерживающие его тросы скрипели.

Возле вереницы подпрыгивавших скутеров стояли двое, Квасневский узнал их. Это были его старые знакомые – Джуз и Ранкер, которых он неоднократно возил к Четвертому опорному.

– Здорово, Феликс! – первым поздоровался Джуз.

– Привет, ребята.

– С чего такие гонки – меня разбудили совсем не вовремя. Я видел сон про блондинку.

Джуз широко зевнул, едва не вывихнув челюсть.

– Утонул, что ли, кто?

– Почему сразу утонул? – спросил Ранкер, более спокойный и основательный солдат.

– Ну а чего мы тогда приперлись? Чего ради, вон какие волны, дождик только два часа как закончился…

– Не два, а пять, – поправил его Ранкер.

– Ну и чего? Смотри, какая вода высокая, да еще течение. Никогда не видел, чтобы в озере вода текла как в реке.

– Это нормально, – сказал Квасневский, пробираясь к своему скутеру. – В озеро втекает несколько рек, а на востоке из него вытекает Калпета – отсюда и течение. Сняв кожух с одного из моторов, он стал подсвечивать себе узеньким фонариком и тыкать в мотор пальцем.

– Ладно, куда едем-то? – спросил непоседливый Джуз.

– Вдоль озера – на восток.

– К руинам форта, так получается?

– А ты что, призраков боишься? – сразу спросил Ранкер.

– Я-то не боюсь, только мы же ничего не увидим в этой темноте.

– Все, что нужно, увидим, – сказал Ранкер и показал прибор ночного видения, похожий на уродливые очки.

– Ну-ка дай я попробую! – сразу загорелся Джуз. Надев очки, он посмотрел по сторонам и сказал:

– Ну и что это за хрень? Я даже тебя не вижу, старый!

– Придурок! Прибор ведь еще включить надо! – заметил Ранкер.

Проверявший моторы Квасневский засмеялся.

– А где кнопка-то?

– Погоди, не дергайся, сейчас включу.

Ранкер нажал кнопку, и чудо-очки заработали.

– О, совсем другое дело! Только что мы так искать будем, а?

– Ящики будем искать, – сказал Квасневский, открывая кожух второго мотора.

– Что за ящики? Мне ведь ничего не сказали. Старый вон тоже секретничает, – пожаловался Джуз. – Я и подумал, что, может, утоп кто-то. В смысле – унесло.

– Если бы унесло, – Квасневский захлопнул крышку кожуха, – мы бы уже не смогли помочь. За нас бы зурабы все сделали.

– Да ладно – зурабы сейчас сытые, – сказал Джуз, считавший себя самым осведомленным. Вернув очки Ранкеру, он продолжил: – Зурабы еще долго ничего жрать не будут. Они вон два месяца только и занимались тем, что лопали змей, антилоп и свиней.

– Ну если не боишься, искупайся в озере, – предложил Квасневский.

– Я бы запросто, только вода грязная.

– Ладно, садитесь, время уходит. Горючего, правда, не особенно много, но если что – заправимся на перехвате.

Перехватами мятежники называли станции дозаправки, которые прятались в небольших озерных бухточках и располагались по всей длине озера. Это помогало организовать беспе-

ребойное снабжение диверсионных групп, которые постоянно уходили из лагерей в сторону Двадцать Четвертой базы.

– А чего нас одних-то отправляют? – спросил Джуз. – Я бы не отказался от помощников, к тому же коллективом оно веселее. Где твой друг, которого мы тогда на буксире тащили? Ему еще борта пробили со станкового пулемета.

– Это ты о Лемане говоришь?

– Точно, о Лемане.

– Нам не нужны лишние глаза и уши, потому что дело предстоит секретное. Если мы начнем по озеру целой флотилией шастать, федералы нас засекут и вызовут штурмовки. Мало не покажется.

– Да, федералы теперь на нас злые, – подтвердил Ранкер.

Они расселись на скутере, Квасневский запустил двигатели и, чуть погазовав, повел судно в темноту тихим ходом. Пока прогревались моторы, он взял у Ранкера очки и включил установленную на носу судна инфракрасную фару.

11

Теперь Квасневский видел все, что происходило вокруг. Конечно, не так, как днем, однако куда лучше, чем в лунную ночь.

Над озером гуляли ветры, поднимая на середине полутораметровые волны, поэтому приходилось держаться берега. Ревели моторы, и скутер мчался вдоль кромки воды, вспугивая молодых зурабов, которые предпочитали ночевать на мелководье.

Их взрослые собратья, отъевшиеся за время дождей, плыли по течению, растопырив лапы. Их туши, похожие на корявые бревна, попадались через каждую пару сотен метров. Непоседливый Джуз о чем-то разговаривал с Ранкером. Наверное, опять отстаивал какую-то бредовую идею. Его старший товарищ только кивал и улыбался. Только так этим двоим удавалось ладить.

Квасневский поправил очки, ему предстояла дальняя дорога. Только по приблизительным прикидкам получалось, что за то время, пока ящики находились в воде, они могли уплыть к истоку реки Калпеты. А это часа три-четыре пути, не считая заправок. Днем, за счет скорости, можно было сократить это время вдвое, однако сейчас выжимать из скутера все возможное было опасно. Налетишь на тушу зураба или на настоящее бревно – и привет. К тому же на большой скорости трудно разглядеть на воде ящики.

«Если они, конечно, не утонули», – мысленно уточнил Квасневский.

Минут через сорок после отправки Джуз начал подавать Квасневскому какие-то знаки. Пришлось сбросить ход.

– Что такое?

– Притормози, Феликс!

– Что случилось?

– Да мне, понимаешь, по нужде надо.

– По большой, что ли? Растрясло?

– Да нет, по малой. Просто я пива напился.

Квасневский сбросил ход до самого малого и совсем заглушил двигатели. Джуз, прислонившись к рулевой плоскости, пустил струю за борт.

– Откуда он пиво-то взял?! – спросил Квасневский.

– В земле нашли, – пояснил Ранкер.

– С каких пор в земле стало пиво заводиться?

– Да был у нас один камрад – редкий жадюга и куркуль. Когда на день рождения генерала Тильзера выдавали по пять литров пива, этот парень выдул литр, а остальное закопал и никому не сказал где. Во время штурма Четвертого опорного получил две пули в грудь и остался там на горке… Из бункера стреляли, как в тире. Одним словом, унес он секрет в могилу, и, как наши ребята ни старались, даже с помощью минных сканеров обнаружить тайник с пивом так и не смогли. Но когда пошли дожди, эту яму вымыло. Правда, срок у пива уже вышел и оно мылом стало попахивать. Кто-то баночку одолел, кто-то лишь половинку, а этому пять штук досталось.

– Нормальное пиво, – застегивая штаны, сказал Джуз. – Нормальное. Видел, как струячило? С плохого пива так бы не получилось.

Он вернулся на место, Квасневский запустил двигатели, и они помчались дальше.

12

Через полтора часа после отплытия баки скутера опустели, однако обнаружить на поверхности озера что-то существенное так и не удалось. Толстые ленивые зурабы были не в счет.

– Нужно искать дозаправку, – сказал Квасневский и начал запрашивать по рации: – Внимание, вызываю «Куриную ферму»!

Сначала ему никто не отвечал, затем послышался сонный голос:

– Ну… «Куриная ферма» на связи…

– Заскочить к вам надо.

– Заскакивай. Только осторожно – там в горловине зураб засел восьмиметровый. Может борт прокусить.

– Хорошо, мы это учтем, – сказал Квасневский и, наклонившись к попутчикам, добавил: – Здесь в километре бухта, у входа в нее сидит зураб, говорят, очень большой.

– Ты откуда знаешь? – удивился Джуз.

– Заправщик сказал.

– Так мы же ничего не увидим, Феликс, если только ты мне свои очки не дашь.

– Все мы увидим, Джуз, – возразил Ранкер. – У меня на автомате фонарик.

– Правда? А у меня нет.

– У тебя тоже был, пока ты его не сменял на полбутылки самогона… Ладно, моего фонарика хватит. Поехали, Феликс, я готов.

Когда скутер подплыл к бухте, у ее горловины действительно сидел зураб, однако он оказался на берегу, рядом с какими-то окровавленными потрохами. Попав в луч фонаря, хищник затаился, поблескивая рубиновыми глазами.

Ранкер держал его на прицеле, готовый открыть огонь, если чудовище попытается побежать в их сторону, однако зураб оставался неподвижен.

– Интересно, кого это он завалил? Надеюсь, не заправщика? – спросил Джуз и засмеялся собственной шутке.

Вскоре скутер пристал к дощатому причалу, накрытому маскировочной сетью. Из-под козырька вышел заправщик, в таких же, как у Квасневского, очках ночного видения.

– Фару притуши! – крикнул он. – А то очки заливает!..

Квасневский выключил инфракрасный прожектор и заглушил двигатели.

– Сколько тебе? – поинтересовался заправщик.

– Да у меня сухо – полные давай.

Заправщик подал шланг, Квасневский сунул его в горловину бака. Затем выбрался на причал и последовал за заправщиком к ручной помпе – электричества тут не было.

Пока они качали, Джуз тоже выбрался на причал, чтобы размять ноги, а потом, с разрешения заправщика, еще раз отлил с дальнего угла пристани.

Минут за десять они управились, и Квасневский скомандовал Джузу идти на посадку.

– Иду, командир. Кстати, – Джуз остановился возле хозяина заправки, который в очках ночного видения выглядел довольно колоритно. – Кстати, а что там ваш зураб поймал? Что за пищу кровавую?

– А где он?

– Да на берегу сидит, а рядом кровь, кишки…

– Наверное, свинку поймал. Была тут одна, ее вода на остров загнала. Я на нее сам рассчитывал, но, наверное, зураб меня опередил. Сволочь, одно слово – хищник.

– Может, его грохнуть?

– Не надо. Сам знаешь, закон джунглей – сегодня одного убьешь, завтра придут еще трое. Не надо, пусть живет. Когда вода спадет, он сам уберется.

– Ну как знаешь, хозяин, – пожал плечами Джуз и стал перебираться на скутер. При этом он оступился и провалился одной ногой между бортом и причалом.

– Эх, штаны промочил! – пожаловался он, вылезая на палубу и волоча мокрую ногу. Потом вдруг начал себя ощупывать и неожиданно сообщил замогильным голосом: – Камрады, а ведь я, кажись, гранату в воду выронил…

– Это, конечно, хреново, но не смертельно. Я потом магнитом достану, – успокоил его заправщик.

– Не достанешь… У меня кольцо осталось…

Воцарилась тишина. Каждый прикидывал, сколько прошло времени и далеко ли до смерти, ведь танки с горючим стояли прямо на дне.

Когда стало ясно, что все сроки прошли и граната не взорвалась, начали выдвигать мнения, почему они еще живы.

– Бывают детонаторы бракованные, – сказал Квасневский.

– Или, может, вода замедлитель загасила… – предположил Ранкер.

– Эй, камрады, так, может, вы меня заберете, а? – попросил заправщик. – Она ведь в любое время сработать может.

– Может, – согласился Ранкер. – А ты точно ее в воду уронил, Джуз? Может, на палубу?

– М-может, и на палубу, – едва не плача, ответил Джуз.

– Тогда не шевелитесь, – свистящим шепотом произнес Квасневский. Горячий пот заливал ему лицо, и сердце гулко стучало.

– Я сейчас посвечу – у меня же фонарик… – напомнил Ранкер.

Узенький луч скользнул по борту, затем по палубе и, дернувшись, застыл на месте.

– Вот она… – произнес Ранкер, и в этот момент заправщик страшно заорал и бросился к себе в домик. При этом в темноте он не увидел подпорный столб и сшиб его, вызвав обрушение всей конструкции вместе с козырьком.

– Уи-ий! – заскулил Джуз, ожидая, что от сотрясения взорвется граната.

Между тем Ранкер не обратил на грохот никакого внимания и, осторожно опустившись на палубу, стал осматривать находку.

– Ну так и есть, – сказал он и, взяв гранату, поднялся. – Что ты держишь в кармане, урод?

– Я? – испуганно спросил Джуз.

– Ты знаешь другого урода? Кольцо-то на гранате!.. Показывай, что в руке держишь!

Джуз несмело раскрыл ладонь. В свете карманного фонарика на ней тускло блеснула большая металлическая пуговица.

– И это, по-твоему, кольцо?

– Нет, это пуговица.

– Зачем ты ее таскаешь?

– Это мой талисман. На счастье.

Темная куча досок пошевелилась, и из-под нее раздался рев.

– Ладно, садитесь! Нам пора дело делать! – сказал Квасневский. – А то этот парень тебя убьет, если выберется.

Джуз быстро опустился на банкетку, закрутились пропеллеры, и скутер отошел от причала.

У выхода из бухты в воде их уже ждал зураб. Однако ревущая машина его напугала, и он ушел на глубину.

13

Выскочив на простор, с полными баками скутер помчался дальше.

Еще через полчаса поисковый экипаж достиг руин Четвертого опорного. На его месте оставались только отдельные элементы бетонного ограждения, а основной бункер, стоявший на возвышенности, был разрушен полностью. Взорванной оказалась и установка залпового огня – огромный куб, который давно стоял без дела. Если миномет постоянно бил по укрывавшимся в джунглях мятежникам, установка залпового огня использовалась нечасто, поскольку могла накрывать только большие площади.

– И больше здесь никогда ничего не будет, – заметил Джуз, когда Квасневский сбавил скорость.

– Ты имеешь в виду на месте форта? – уточнил Ранкер, поглядывая в сторону большой черной проплешины на фоне джунглей.

– Ну да.

– Они вернутся. Подгонят баржу со строительными материалами, а потом глядишь – новый форт окажется лучше прежнего и надежнее.

– Типун тебе на язык, старый! Что мы, выходит, зря кровь, что ли, проливали?

– Тихо!.. – оборвал его Квасневский и совсем застопорил движки. Затем прошел на нос и покрутил инфракрасный прожектор. – Кажется, что-то есть… На ящик похоже, – сказал он и, вернувшись на место, снова запустил двигатели и на малом ходу осторожно повел судно вперед.

Вскоре сомнений не осталось – это был ящик. Тот самый, метр на метр в основании и два метра в длину. Он покачивался на волнах и не ушел далеко лишь потому, что его стащило со стремнины и он медленно дрейфовал вдоль берега.

– Ну, полдела сделано, – сказал Квасневский и, подойдя к носовому прожектору, стал с его помощью осматривать близлежащую акваторию, надеясь увидеть второй ящик. Однако того нигде не было.

Прикрепив к погрузочной проушине ящика двадцатиметровый линь, рулевой привязал к нему запасной якорь и сбросил его в воду. Подергав за линь и убедившись, что якорь лег на грунт, Квасневский вернулся за руль и, достав рацию, связался с диспетчером лагеря.

– Але, Квасневский говорит…

– Слушаем тебя, Квасневский.

– Один ящик я нашел.

– Какой еще ящик?

– Ты чего, не в курсе? Ладно, тебя это не касается. Просто передай команданте, что один ящик заякорен прямо напротив руин Четвертого опорного. Метрах в ста пятидесяти от берега. Только доложи сразу, это очень важно.

– Конечно, доложу. На то я и сижу здесь, – пообещал диспетчер и разъединил связь.

– А что в ящике? – спросил Джуз и, потянувшись, постучал по нему кулаком.

– Это секрет, – ответил Квасневский и, запустив двигатели, повел скутер вперед. Напрасно он вглядывался в темноту и крутил настройки очков – второго ящика нигде видно не было.

Уже начало светать, когда команда, после дозаправки в еще одной тайной бухте, прибыла к истоку реки Калпеты.

Чтобы продолжить поиски при дневном свете, Квасневский решил подождать, когда рассветет полностью. Да и Джуз нуждался в паузе – выпитое накануне пиво не давало ему покоя.

Пока скутер стоял полчаса на якоре, вода заметно спала. Это было заметно по стволам стоявших в воде деревьев. С оголившихся берегов стекали ручьи, выводя из джунглей последнюю воду.

– Ну что, будут какие-нибудь соображения? – спросил Квасневский, когда развиднелось.

– А какие могут быть предложения? – тут же поинтересовался Джуз.

– Либо мы идем по Калпете, либо сворачиваем направо – в ее рукав.

– Какая вероятность, что ящик в рукаве? – спросил Ранкер.

– В том месте река делает левый поворот, значит, ящик могло утащить вправо – в рукав.

– Тогда идем в рукав, и дело с концом.

– Ну хорошо. Коллективное решение принято. Идем в рукав, если ничего не найдем, выйдем на реку и по ней вернемся назад.

– А если и на реке ничего не найдем, еще дальше спускаться будем? – спросил Джуз.

– Не знаю. Нужно будет запрашивать разрешение, ведь, если спускаться дальше, можно и на солдат нарваться.

– Ха, какие солдаты? Они все еще дрыхнут! В лесу такой срам, что ногу некуда поставить!

– Это у нас срам, – заметил Ранкер, – потому что лагерь у болота стоит. А здесь песочек. Забыл, где алмазы копали?

– Ну, – Джуз пожал плечами. – Может, ты и прав, но не верится мне, чтобы сразу после дождичка солдаты в лес сунулись. Мотнуться на вертушках к фортам могут, а чтобы пешком… Кстати, я тогда в песочке, который в отвал сбрасывали, два алмаза нашел – с вишневую косточку каждый.

– Эк удивил. Отряд Манегана был там в прикрытии целые сутки, так они по полному карману набрали, – сообщил Квасневский.

– Нашли чем хвастаться, – покачал головой Ранкер. – Они же обворовывают будущее государство камрадов.

– Да ладно тебе, – отмахнулся Джуз. – Государство камрадов всегда поймет самих камрадов. Поехали, что ли?

– Поехали, – сказал Квасневский и запустил двигатели.

14

В реке вода выглядела куда спокойнее, чем на озере. Высокие джунгли по обе стороны закрывали ее от ветра.

На деревьях переругивались птицы, после сезона дождей у них начинались брачные игры. В нижних ярусах среди голых корней ползали змеи. Пока птицы не вывели потомства, змеям на деревьях делать было нечего.

– Вон он, гад! – прокричал Джуз Ранкеру, указывая на зураба, который грелся на левом берегу, открыв утыканную зубами пасть. – Так бы и перестрелял их всех!

– Чего? – спросил Ранкер, поскольку двигатели ревели на полную мощь.

– Ничего, – отмахнулся Джуз.

Минут через десять показался отводной рукав. Он уходил от основного русла вправо, забирая примерно пятую часть воды.

Квасневский, не сбавляя скорости, вписался в поворот и сразу стало темнее, поскольку деревья здесь росли совсем близко.

В отличие от реки рукав казался переполнен. Береговой линии видно не было, и многие прибрежные кусты едва выглядывали из воды. Течение здесь тоже было побыстрее, а на середине возникала рябь, которая отдавалась вибрацией в днище скутера.

Рукав плавно изгибался то влево, то вправо, и за очередным поворотом Квасневский привстал и сбросил скорость.

– Неужели повезло? – произнес он, ведя судно на малом ходу.

– Думаю, да, – сказал Ранкер, который тоже встал на палубе и смотрел вперед.

– Кто ищет – тот всегда найдет! – подвел итог Джуз. – Ой, мне опять облегчиться требуется!..

– Ладно, потерпи, сейчас встанем возле ящика и тогда будешь изливать, – сказал Квасневский и прибавил хода.

– Джуз, как тебе удается из двух литров пива сделать десять? – спросил Ранкер и засмеялся, довольный, что их длинный поход подходит к концу.

Внезапно на ящик запрыгнул четырехметровый зураб и начал на нем раскачиваться, скаля пасть в сторону берега.

– Чего это он там увидел? – удивился Ранкер. Логичнее было ожидать, что зверь оскалится в их сторону.

Неожиданно Ранкер резко присел и махнул Квасневскому рукой.

– Солдаты! – крикнул он.

– Что?

– Там солдаты!

Джуз вскинул автомат и выпустил в сторону берега длинную очередь.

– Что ты делаешь, придурок?! – заорал на него Ранкер.

– Так солдаты же!..

– Да мы даже не знаем, сколько их!

Рулевой сделал резкий поворот вправо и повел судно к берегу. Скутер ткнулся носом в кусты и остановился.

Квасневский перебежал на нос, достал из металлического рундука автомат и разгрузку с боекомплектом, а потом забросил на берег якорь.

– Ты чего задумал? – спросил его Ранкер.

– Я задание выполнять задумал, – ответил Феликс. – Пошли за мной.

Попутчики без возражений последовали за ним. Добравшись до группы кучно росших деревьев, они остановились.

– Какой будет план и почему ты думаешь, что их там мало? – спросил Ранкер, отбрасывая ботинком болотную змейку.

– Да не могут они сейчас во все направления по взводу солдат послать. Скорее всего это патруль – два-три человека.

– И нас два-три! – обрадованно сообщил Джуз.

– Еще вопрос, что это за патруль, – заметил Ранкер. – Если разведчики – будут проблемы.

– Успокойся, разведчики, пулеметчики, наводчики – они сейчас все как сонные мухи. Сделаем рывок, накроем их гранатами, и дело сделано – только действовать нужно быстро. Джуз – ты слева, Ранкер – справа. Пошли. И они стали продвигаться вперед, расходясь все шире, чтобы охватить небольшую проплешину, на которой заметили солдат.

Шедший справа Ранкер кого-то заметил. Он сделал короткую очередь, затем еще одну. Солдаты начали стрелять в ответ. Рядом с Джузом пули вспороли дерн, забрызгав мятежника мокрой землей.

Требовалось сделать паузу, и Квасневский дал знак остановиться.

– Кажется, двое, – сказал он. – Я видел вспышки в двух местах. Давай гранату, Джуз.

– Что?

– Гранату бросай, или у тебя больше не осталось?

– Одна есть, – кивнул Джуз и, достав гранату, метнул ее в сторону противника. Она задела ветку и, изменив направление, плюхнулась в воду. Раздался взрыв, который взметнул к небу высокий столб воды. Сидевший на ящике зураб, до этого мужественно выдерживавший грохот выстрелов, свалился в воду.

– Эх ты, мазила! Ладно, будем исправляться. Там впереди дерево – видишь?

Джуз осторожно выглянул и кивнул.

– До него метров пятнадцать. Мы тебя прикроем, а ты сделай рывок. Сумеешь?

– Конечно. Тут и бежать-то нечего.

– Ранкер… – Квасневский повернулся ко второму камраду. – Ты тоже выбери себе дерево.

– Уже выбрал.

– Хорошо. Сейчас мы с тобой прикрываем, а Джуз бежит вперед. Потом ты, за тобой – я. Приготовься, Джуз, мы начинаем…

15

Увидев плавающий в воде ящик, Джим и Тони недоуменно на него уставились.

– Вот это да, – сказал Тайлер. – Это тебе не кусочек упаковки.

– Да, – согласился Джим. – Вещь стоящая.

Ящик находился метрах в пятнадцати от берега, и достать его, не забираясь в воду, было невозможно.

– Сержанту надо докладывать.

– Ясное дело. Только чего он сможет сделать?

– На лодке приплывет – на «казуаре».

– Ха, на «казуаре», – усмехнулся Джим. – Сезон дождей окончился, теперь лодку до реки еще донести нужно. Небось запаришься.

– Запаришься, – согласился Тони, вспомнив, как они взопрели на солнышке с непривычки. – Тогда вертолет.

– А чего вертолет? Что ты, этот ящик из воды веревкой будешь поднимать?

– А почему бы и нет – смотри, на нем петля.

Джим пригляделся – Тони был прав, на углу ящика действительно торчала стальная петля, наверняка для того, чтобы его удобнее было грузить.

– Эй, кажется, вертолет гудит… – сказал Джим, и приятели прислушались. Действительно откуда-то издалека доносился звук, очень похожий на шум вертолета.

Напарники подошли ближе к воде и увидели вдалеке скачущую по воде точку.

– Эй, да это же…

– Скутер!.. Я их сразу узнаю!..

– Но это не может быть наш?

– Откуда здесь наши, Джим? Мятежники – однозначно!

Тони начал снимать автомат, но в этот момент с громким всплеском из воды вынырнул зураб и стал карабкаться на ящик, царапая его острыми когтями. Воцарившись на своем трофее, зураб распахнул пасть и глухо зарычал, полагая, что Джим и Тони покушаются на его добычу.

Между тем до скутера было уже не более полутора сотен метров, и с его борта открыли автоматный огонь. Пули веером прошлись по веткам, сбив несколько листьев, а Джим с Тони бросились на землю и стали отползать под прикрытие деревьев.

– Давай, связывайся с базой, – сказал Тони, проверяя автомат.

Джим нажал на рации кнопку экстренного вызова и тотчас услышал ответ:

– Диспетчер слушает…

– Диспетчер, это разведчики Симмонс и Тайлер! Мы находимся у рукава Калпеты – в километре к западу от базы. У нас тут стрельба, мы наткнулись на скутер мятежников.

– Сколько их?

– Неизвестно, но, судя по всему, не более пяти.

– Хорошо, вертолет вылетает. Минуты три-четыре придется подождать, держитесь, ребята…

– Ну что? – спросил Тони, выглядывая из-за дерева.

– Сказали, что вертолет будет через три-четыре минуты.

– Даже если через пять – это будет нормально.

– Где они, ты их видишь? – спросил Джим, убирая рацию.

– К берегу пристали и сюда идут – я видел, как бабочки с кустов взлетали.

– Значит, им этот ящик очень нужен, – подвел итог Джим и оглядел близлежащее пространство, опасаясь ядовитых гадов, которые ухитрялись нападать в самое неподходящее время. Затем устроился поудобнее и стал ждать.

Вот промелькнула тень, потом другая. Затем один из мятежников открыл огонь, скорее всего просто провоцируя, поскольку пули прошли в стороне. Враг двигался слишком быстро, и его требовалось остановить.

Джим сделал короткую очередь. Тони его поддержал.

Должно быть, пули легли рядом с целью, потому что враг затаился. По ветке щелкнула граната и улетела в воду. Ее взрыв не принес вреда и здорово напугал зураба, который спрыгнул с ящика и ушел на глубину.

До противника оставалось еще метров сорок, но, несмотря на то, что джунгли за время дождей оказались заметно прорежены, ничего разглядеть было невозможно. Впрочем, Рихман, Шульц и другие разведчики неоднократно повторяли, что самая ходовая дистанция – пятнадцать метров. В таких случаях практиковалась стрельба на шорох и даже запах.

Тони что-то заметил и выдал короткую очередь.

– Попал? – с надеждой спросил Джим. Тони был признанным стрелком и от него можно было ждать результата.

– Боюсь, что нет. Это я их провоцирую.

– Может, гранату швырнуть?

– Да пока некуда.

Неожиданно враг себя проявил и открыл по разведчикам огонь с двух сторон. Пули ложились довольно близко, срывая кору и разбрызгивая древесный сок.

Когда обстрел прекратился, Джим выглянул из-за дерева и, заметив качнувшуюся ветку, дернул спусковой крючок. Автомат отстучал короткую очередь, и горячие гильзы улетели в воду.

– Их трое, один перебежал к нам поближе. Вон туда, – сказал Тони и произвел одиночный выстрел.

Джим увидел, как пуля ударила в черный ствол дерева, оголив белую сердцевину.

«Двадцать метров – не больше», – отметил он про себя и снял с пояса гранату. Противник спешил сократить дистанцию, и его следовало образумить.

Брошенная граната пробила кустарник и легла как надо. Затем раздался взрыв, который запросто мог угробить спрятавшегося врага.

Упреждая наступление двух других противников, метнул гранату Тони.

«Я бы так не сумел», – подумал Джим, увидев, как далеко забросил гранату его друг. Раздался взрыв, который сразу охладил боевой пыл мятежников.

– Не понравилось сволочам, – негромко произнес Тайлер, который не мигая караулил самого ближнего из противников.

Наконец тот выглянул. Тони сделал выстрел, но не попал, однако сильно напугал мятежника – тот слишком сильно отпрянул и сделал шаг назад, выставив ногу.

Тони выстрелил снова – на этот раз удачно. Раненый закричал, и Тайлер сказал:

– Есть.

– Куда попал?

– В ногу!..

– Отползай! Отползай! – стали кричать мятежники своему раненому. Тот громко стонал, должно быть ранение оказалось болезненным.

– Кость перешиб, – прокомментировал Джим.

В воздух взвилась гараната. Джим понял это, когда она зашелестела в листьях.

– Граната! – предупредил он, и в нескольких шагах впереди раздался взрыв. Осколки разлетелись по лесу, однако разведчики не пострадали.

Подстреленный Тони мятежник продолжал отползать. С того места, где находилась позиция Джима, были видны колышущиеся травинки и подрагивающие кусты.

Джим сделал несколько выстрелов, но куда стрелять, точно не знал.

– Ты их видишь? – спросил он Тони.

– Ни хрена.

Противник затаился, должно быть, соображая, как изменить тактику.

– Хорошо бы им скутер повредить, – заметил Тайлер.

– Хорошо бы, – согласился Джим. – Только нам нельзя подниматься – они только того и ждут.

– Это точно, – согласился Тони, просеивая через прицел заросли.

Джим приметил едва заметное движение – сначала шевельнулась ветка, а затем метнулась тень.

Взяв упреждение, он начал методично обрабатывать кусты из автомата. Патроны закончились, и послышался отчетливый звук падения тела.

– Есть, – сказал Джим и торопливо поменял магазин. Затем снял с пояса еще одну гранату, сорвал кольцо и, выдержав паузу, метнул ее в кусты.

Бросок был точен, и взрыв произошел как раз над предполагаемым местом падения раненого.

– Толково, – похвалил друга Тони. Затем приметил цель и сделал несколько одиночных выстрелов.

– Кажется, мы их прижали, – сказал он, прислушиваясь к неясным звукам, то ли шелесту, то ли треску.

Завелись и сразу взревели на полную мощь двигатели. Скутер начал отходить от берега.

– Смываются! – воскликнул Тони. Напарники вскочили с земли и помчались к воде.

Мятежники знали, что могут попасть под обстрел, поэтому держались ближе к прибрежным кустам, однако у Джима и Тони еще было время. Они открыли шквальный огонь, не жалея патронов, и скоро расстреляли по целому магазину, но, пока их меняли, скутер скрылся за поворотом.

В небе начал нарастать гул «Си-12». Рация Тони ожила и заговорила голосом сержанта Рихмана:

– Тайлер, как там у вас дела?

– Они уходят, сэр! Уходят вверх по реке! У нас был бой!

– Хорошо, оставайтесь на месте! Мы прошвырнемся за ними, потом вернемся за вами.

– Может, нам проверить берег?

– Никаких проверок. Сидите на месте!

– Есть.

Вертолет с ревом пронесся над деревьями и пошел вдоль речного рукава.

– Хана им, – сказал Тони, глядя на роторную пушку и подвешенные к бортам вертолета ракеты.

– Сами виноваты. Чего они думали, направляясь к самой базе?

Приятели вернулись на свои позиции и стали ждать, посматривая в ту сторону, куда ушли враги. Возможно, там остался кто-то из раненых, который собирался подороже отдать свою жизнь.

16

Как и следовало ожидать, все испортил Джуз.

Он добежал до указанного дерева и вовремя за ним спрятался. Он был очень доволен собой и, обернувшись, подмигнул Квасневскому, показывая, что все в порядке. Через мгновение недалеко от него плюхнулась граната и с ног до головы забрызгала его грязью, едва не нашпиговав осколками.

Несколько мгновений после взрыва Джуз стоял скрюченным, и Квасневский подумал, что тот ранен, однако пока все обошлось. Джуз снова повернулся и показал большой палец, хотя улыбка на его грязной роже смотрелась уже не так убедительно.

Продолжая демонстрировать, какой он смелый, Джуз быстро выглянул из-за дерева, и точно пущенная пуля едва не срезала ему ухо. Джуз не ожидал от противника такой прыти и шарахнулся назад, выставив из-за дерева ногу.

Последовал одиночный выстрел, и Джуз сполз вдоль дерева. Мужество его оставило, и он взвыл от боли.

– Придурок, – прокомментировал Квасневский и повернулся к Ранкеру. Еще можно было обойти противника с правого фланга и выдавить его к воде… Однако солдаты будто читали его мысли. Новая граната пробила листву и упала между деревьями, за которыми прятались Квасневский и Ранкер. Им пришлось рухнуть на землю, чтобы остаться в живых.

Затем позицию Ранкера обстреляли, и все стихло, только продолжал выть Джуз.

– Отползай! Отползай! – крикнул ему Квасневский. Между тем Ранкер показал рукой, что хочет начать обход с фланга.

Квасневский кивнул.

Ранкер рванулся вперед, но тут застучал автомат и пули срезали несколько веточек совсем рядом с ним. Ранкер словно споткнулся и сгоряча пытался подняться, но снова упал и, перевернувшись на спину, схватился за бедро.

– Вот дерьмо! – выругался Квасневский. Его наступление захлебнулось. Оставалось только уходить, вне всяких сомнений, сюда уже спешили солдаты и времени не оставалось даже на то, чтобы отбуксировать ящик в безопасное место.

Квасневский низко пригнулся и стал подбираться к Ранкеру, стараясь не задевать кустов. Неожиданно в воздухе рванула граната, и Ранкер вскрикнул, получив несколько осколков.

Квасневский припал к земле, размышляя, стоит ли идти к Ранкеру или тот уже готов.

«Видимо, я переоценил свои силы. Или, может, это действительно разведчики?» – думал он, продолжая ползти к раненому.

Ранкер оказался жив. У него было пулевое ранение бедра, и несколько небольших осколков засели в ребрах.

– Нам их не одолеть… – морщась от боли, произнес Ранкер.

– Теперь уж точно. Я потащу тебя, а ты помогай мне здоровой ногой, понял?

Ранкер кивнул. Квасневский, после секундного раздумья, бросил в траву разгрузку с боекомплектом и оставил себе только автомат. Затем ухватил Ранкера за шиворот и поволок к берегу.

Раненый хрипел, его душил воротник, однако он терпел, понимая, что другого выхода нет.

Подтащив Ранкера к скутеру, Квасневский наконец отпустил его и, тяжело переводя дух, сказал:

– Ползи на палубу… Я – за придурком.

Между тем придурок успел отползти довольно далеко. Квасневский нашел его метрах в тридцати от скутера. На беднягу было больно смотреть. Его перебитая нога оказалась неестественно вывернута и оставляла кровавую дорожку. Лицо Джуза было серым.

Не говоря ни слова, Квасневский уже отработанным способом потащил второго раненого. Он понимал, что причиняет тому нестерпимую боль, однако следовало спешить. В противном случае они могли остаться здесь все втроем.

Когда Квасневский доволок Джуза до скутера, Ранкер уже лежал на перепачканной кровью палубе и пытался сделать себе перевязку. Квасневский перевалил Джуза через борт и, не обращая внимания на его стоны, оттолкнул скутер от берега. Потом запрыгнул на нос и, перебежав к корме, с ходу ударил по кнопке старта.

Оба двигателя схватились сразу. Квасневский вывернул рулевые плоскости до упора и дал полный газ. Судно развернулось на месте, подняв на воде целую бурю, и помчалось вперед.

Моторы работали ровно, и пропеллеры деловито рубили воздух. Квасневский пригибался к палубе, но не от страха, просто ему казалось, что так скутер идет быстрее. Приходилось держаться ближе к береговой линии, чтобы не давать солдатам прицелиться, однако те знали свое дело. Рядом с бортами взлетали фонтаны воды и пули щелкали по надстройкам.

Смерть проносилась на головой Квасневского, но он был твердо уверен, что сегодня еще не умрет. Быть может, завтра или на следующей неделе, она давно охотилась за ним и за последний год подобралась вплотную. Но не сегодня, не сегодня…

От тряски очнулся Джуз. Он повернулся и что-то сказал Квасневскому, но через секунду сильный удар в спину свалил его на палубу.

«Все», – подумал рулевой и, оглянувшись, заметил над джунглями точку. Можно было не сомневаться, что это вертолет.

Ранкер пытался приподнять Джуза, чтобы посмотреть, что с ним.

– За борт! – заорал ему Квасневский. – Бросай его за борт, иначе нам не уйти!..

За гулом моторов Ранкер ничего не слышал, но понял, что от него требовал рулевой. Видел он и приближавшийся вертолет, а также то, что Джузу было не помочь – его открытые глаза смотрели в небо, а изо рта вытекала тонкая струйка крови.

Неимоверными усилиями Ранкер перевалил его через борт, и скутер прибавил скорости.

Квасневский сделал правый поворот, выходя на середину рукава и провоцируя огонь вертолета. Затем резко бросил судно влево. Как оказалось вовремя – по его прежнему курсу прошла цепочка пушечных попаданий.

– Держись! Будем выпрыгивать! – прокричал Квасневский. Ранкер вопросительно взглянул на рулевого, и тот указал рукой вперед. Теперь все стало ясно, Квасневский выбрал подходящий пологий участок берега и разгонял скутер, чтобы выскочить на сушу.

Снова заработала пушка, и дорожка фонтанов понеслась скутеру наперерез. Квасневский взял чуть левее, и судно влетело в кусты. Затем подпрыгнуло на илистом берегу и с треском врезалось в заросли молодых деревьев.

Вертолет еще раз прошел над этим местом и, развернувшись, пошел обратно.

17

Джим и Тони слышали, как, отстрелявшись, вертолет стал возвращаться. Звук его турбин становился все громче, а затем из рации Тони послышался голос сержанта Рихмана:

– Ну как вы там, все спокойно?

– Да, сэр. Все без изменений, – отозвался Тайлер.

– Сейчас мы вам Шульца спустим. С ним осмотрите берег, а потом вернетесь на базу.

– Хорошо, сэр, но тут у нас еще ящик.

– Какой ящик?

– Возле берега плавает, вы должны его видеть. Метрах в пятнадцати от кустов… Думаю, мятежники на скутере именно за ним сюда и направлялись.

– Вот как? Я сейчас взгляну.

Вертолет развернулся над противоположным берегом рукава и уже медленнее пошел в сторону Джима и Тони.

– Точно, – сказал сержант. – Мы этот ящик тоже видим. Шульц спустится прямо на него.

– Только пусть будет осторожнее, на ящике совсем недавно сидел зураб.

– Ничего, с зурабом Шульц разберется.

Вскоре вертолет завис на ящиком, ветер от лопастей создавал рябь и срывал с поверхности реки водяную пыль.

Джим и Тони не решались подходить к берегу и продолжали оставаться на своих позициях. За деревьями они ничего не видели и только по усиливающемуся реву турбин догадывались, что «Си-12» снижается.

Вскоре появился Шульц. Он спускался на раскачивающемся тросе, сосредоточенно глядя вниз.

Вертолетчик был асом и аккуратно опустил разведчика прямо к ящику. Шульц уселся на него верхом, зацепил крюк за стальную петлю и сделал пилоту знак рукой.

Вертолет взревел еще сильнее и стал вытягивать ящик вместе с сидевшим на нем человеком. Водяная пыль поднялась непроницаемым туманом, за которым скрылось все.

«Си-12» стал уходить выше, постепенно разматывая трос, и вскоре буря стихла.

Шульц ловко спрыгнул с ящика, не долетев до берега метра три. Впрочем, это его не смутило. Разведчик быстро выбрался на берег и сообщил по рации, что он на суше. Висевший над водой ящик качнулся и стал подниматься.

– Ну что, стажеры, все живы? Что тут у вас случилось? – спросил Шульц, снимая автомат.

– Был короткий бой, – доложил Джим, – потом они отступили, но мы не уверены, что в кустах не остались раненые.

– Где они были, помните?

– Вон там – за деревом и чуть левее в лесу – сорок метров…

– Хорошо, я пойду туда, а вы присмотрите за деревом. Обращайте внимание на высокую траву, раненые обычно забиваются туда, где она гуще.

С прибытием Шульца Джим и Тони стали чувствовать себя куда увереннее. За деревом они обнаружили брошенный автомат «битл» и следы, оставленные отползавшим раненым. Примятая трава была густо полита кровью. Потом то ли раненый наложил себе жгут, то ли прямо здесь и умер, но дальше следы изменились – кто-то тащил его, грубо и бесцеремонно.

– Ну что там? – спросил вышедший навстречу Шульц.

– От дерева раненый уполз, а потом его потащили, – сказал Джим и указал на следы. – Вот…

– И оттуда такой же след к берегу тянется. Тоже раненого тащили, – сказал Шульц. – Видимо, вы их тут хорошо прижали. Воронки от гранат очень правильно разбросаны – тут я вами доволен, разведчики.

Джим и Тони заулыбались. Шульц впервые назвал их разведчиками, а не стажерами, тем самым признавая равными себе.

Чтобы удостовериться, что на берегу никого не осталось, они дошли до самой воды, а затем отправились домой – на базу.

18

Возвращались без всякой спешки. Джим и Тони не переставали удивляться тому, как все изменилось за какие-то полтора часа, прошедшие с момента, когда они были на этой тропе.

Вытянулись побеги молодых лиан, шире расползлись грибницы споровых грибков, распрямилась трава. Лес возвращался к жизни буквально на глазах. Извечные враги разведчиков, ядовитые насекомые, уже не были такими сонными и медлительными, как некоторое время назад. Теперь они прятались между листьев и зорко следили за людьми, оттачивая жала и копя злость.

Джим и Тони показали Шульцу, где штурмовала мусорный вал армия муравьев, а он, в свою очередь, рассказал им о своих встречах с этими насекомыми.

– В сухой сезон они живут под корнями деревьев, строят целые подземные дворцы. Туда они и возвращаются после дождей.

– А где же они прячутся от ливней? – спросил Тони.

– Я об этом и сам не знал, пока однажды мы не заплыли на «казуаре» между деревьями. И увидели на дереве огромный, около метра в диаметре, зеленый шар. Оказалось, это и были муравьи-рейтары. Они сбиваются вокруг своей царицы в клубок, а те, которые в наружном слое, еще и срезанные листья держат, чтобы прикрыть все сообщество от дождя. Те муравьи, которые не входят в число приближенных к царице, просто вцепляются челюстями в кору дерева и пребывают в оцепенении до конца дождей. Они даже не двигаются и оторвать их от дерева руками невозможно, разве только гвоздодером.

Когда разведчики вышли из леса, они встретили солдат с базы, которые прикрывали дорогу. Ее приводили в порядок, и мины на ней были отключены.

Дорогу чистили небольшим аэродромным бульдозером, позади которого с лопатами шли солдаты. Они подчищали остававшуюся грязь и водоросли, которые аккуратно укладывали на обочине. Бросать их дальше было нельзя – минное поле по-прежнему оставалось активизированным.

Когда вся троица оказалась на территории базы, Шульц свернул в сторону вертолетной площадки, Джим и Тони последовали за ним. Возле вертолета стояли несколько разведчиков, капитан Саскел и представитель Службы Безопасности на базе – капитан Мур. Перед ними лежал раскрытый ящик, и все недоуменно смотрели на его содержимое.

– Ну и чего это? – спросил подошедший Шульц.

– Это? – переспросил Рихман и, присев на корточки, потрогал гладкую блестящую поверхность неизвестно чего. – Разные есть мнения.

– Может, часть собирающей антенны?

– Ну-ка вынимайте ее, – приказал Мур, и двое разведчиков вынули железяку из ящика. Лица всех без исключения вытянулись. Теперь, когда трофей достали из ящика, он стал выглядеть еще непонятнее.

– Мне кажется, я знаю, что это, – сказал вдруг Джим.

– И что же?

– Мне кажется, это элемент крыла.

– Ну, – Мур поглядел на неведомую деталь с одной стороны, потом с другой. – Ну, можно предположить, конечно, однако если продолжить его линии – по профилю, так сказать, то крыло получится очень небольшое. Я не знаю таких маленьких самолетов. Может, это от вертолета? Может, обтекатель для кронштейна, куда пушки вешают?

– Нет, – отрицательно покачал головой вертолетчик Байрон. – Таких деталей на вертолете не бывает. Вертолеты из люминита сшивают, а это титанит, сразу видно. – И для наглядности он постучал по железяке пальцем. – Эта деталь авиационная, – подвел итог Байрон.

Мур вздохнул. Ему предстояло послать в Антверден отчет, однако пока он не знал даже, с чего начинать.

– Надо на торцах, в местах крепления, посмотреть, там иногда тавро бывает, – снова пришел на помощь Байрон. – Ма-аленькие такие буковки, – вертолетчик свел два пальца, чтобы показать, насколько малы эти буквы.

– Так, – приободрился Мур. – Это мы сейчас можем проверить. – С этими словами он достал раскладную лупу, и внимательно осмотрев один торец, скомандовал: – Переверните.

Деталь перевернули, и Мур осмотрел второй торец.

– Так, – сказал он, убирая лупу. – На обоих торцах выгравирована одна и та же надпись – «Эдельвейс-Бельков-Блом».

– Но это государственное военное предприятие, – заметил капитан Саскел.

– Вот именно.

– Значит, они где-то сперли самолет, – пришел к выводу Рихман.

– А зачем им в джунглях самолет? – спросил Байрон. – Ни посадки, ни взлета. Если площадку расчистят, летчики из-за речки сразу ее разглядят. Вы же знаете – они разведку проводят ежедневно.

– Это так, – согласился Саскел. – А если с воды?

– Военный самолет с воды не взлетает – турбины зальешь. А если такой самолет и появится, так его тоже прятать нужно. Мятежники очень «соммеры» уважают – они маленькие, как стрекозы. «Соммер» сделан из пластика, его можно за десять минут разобрать и спрятать под деревьями, а здесь, посмотрите, болтовые крепления с контргайкой и шплинтом. Такие вещи закручиваются раз и навсегда, а профиль сделан из титанита, значит, температура тормозящего потока очень высокая.

– Чего температура? – переспросил Мур.

– Я этого сам толком не понимаю, – признался Байрон. – Но эта штука сделана для скоростной машины. Титанитовый сплав даже пистолетная пуля не возьмет.

– Да-а, – протянул Саскел и пощелкал по гладкому металлу. – Эта штука крепкая.

– Ну ладно, – вздохнул Мур, – поскольку у нас нет специалистов по военной авиации, я сделаю съемку и обмер этой штуки и пошлю в Антверден. Там есть лаборатория, пусть они думают. Если понадобится, пусть ее вообще заберут, здесь она не нужна.

– Не нужна, – согласился Саскел.

– Вот и поставьте этот ящик пока у себя в Девятнадцатом строении.

– У нас места нет, – стал отказываться Саскел.

– В коридор поставьте, вы же «казуар» оттуда убрали. Это ненадолго, капитан, – на пару дней, не больше.

19

Саскел не стал спорить, и его солдаты начали упаковывать металлическое нечто обратно в ящик.

– Пойду за камерой, – сказал Мур, но не успел он пройти и десяти шагов, как его остановил Джим.

– Сэр, у меня к вам вопрос.

– Вопрос? Ну давай свой вопрос.

– Сэр, вы помните ту девушку – дикарку, которая нас всех побила… Ну, с которой я… э-э…

– Прекрасно помню. Милая девчушка-мали. Она меня тогда так приложила, что я сознание потерял. Что ты хотел узнать?

– Я хотел спросить, где она сейчас – в тюрьме или, может, ее того… расстреляли?

Сзади тихо подошел Тони.

– Если бы ее расстреляли, Симмонс, всем нам было бы лучше, но, к сожалению, она на свободе, – сообщил Саскел. – Тигр вырвался из клетки. Вот такое дело.

– Я не понимаю.

– Она сбежала.

– Как сбежала? – хором произнесли Джим и Тони.

– Из военной тюрьмы, что на антверденской базе. Очаровала часового, вступила с ним в контакт – сами понимаете какого характера, а затем удушила ремнем. Потом задушила шофера на тюремном дворе и на военном грузовике бежала с базы, вышибив ворота.

– Ничего себе девочка, – покачал головой Тони. – И что, ее не нашли?

– Нет, не нашли. В Антвердене много шпионов генерала Тильзера, и она, без сомнения, получила у них убежище. Ну, если вопросов больше нет, господа разведчики, я пойду по делам.

Капитан ушел, а Джим и Тони остались стоять, словно оглушенные.

– Она убила двоих солдат, ты представляешь? – произнес наконец Тайлер.

– Да, настоящий зверь.

– Зверь-то зверь, но она была рядом и могла в любой момент расправиться с нами. Представляешь? Причем ты хоть успел за это что-то получить, а меня, получается, могли удавить за просто так.

– Тайлер! Симмонс! – позвал их сержант. – Чего стоите? Вы сегодня стреляли, значит, оружие надо чистить.

– Уже идем, сэр.

Прошла неделя. Каждый день был связан с патрулированием территории. Постепенно разведчики уходили от базы все дальше, и можно было не сомневаться, что то же самое делали и мятежники, возвращаясь на территорию, которую почти прибрали к рукам.

В первую очередь это касалось района Четвертого опорного пункта. После разрушения форта мятежникам здесь ничего не угрожало. И если раньше они торопливо проскакивали у дальнего берега Лошадиной Головы, то теперь могли себе позволить неспешные прогулки.

– Сэр, – обратился как-то Рихман к капитану Саскелу. – На месте руин можно сделать временную крепость.

– Для этого нужны расчеты, финансирование и, наконец, материалы.

– На берегах озера полно песку. Нужны только мешки. Перекрытия деревянные – лес под боком.

– А люди?

– Людей придется держать много – человек пятьдесят.

– А где их взять, Рихман? Разве это реально, если у нас на базе некомплект двадцать процентов?

– Можно попросить на базе в Антвердене. Все равно они там только с девками воюют.

– База в Антвердене своими людьми на распоряжается. Это Округ решать должен.

– Ну так пусть решат в Округе. Командируют нам пятьдесят человек, и мы не только крепость отстроим, но и такую многосменку в лесу устроим, что мятежники туда заходить бояться будут.

– Хорошо тебе говорить, сержант, ты все своими руками пощупал, но в Округе решают толстые генералы. А у генералов все хорошо, и они своей жизнью вполне довольны. У этих людей совершенно другие интересы и заботы. И если честно…

Начав говорить, капитан замолчал и махнул рукой.

– Да ладно, командир, неужели ты думаешь, я на тебя рапорт Муру понесу? – улыбнулся Рихман.

– Одним словом, ходят такие разговоры, что наше высокое начальство получает деньги за то, чтобы мы тут не особенно петушились.

– Неужели такое может быть? – Лицо Рихмана стало бледным.

– Ну ты сам посуди – то, что мятежники сидят в лагерях на болотах, знают все, и одного захода летчиков из-за реки вполне хватило бы, чтобы поставить в этой странной войне точку. Правильно?

– Согласен. Тем более что эти лагеря не переносили уже восемь лет.

– Вот и я о чем говорю. А упирается все в закон четырехсотлетней давности о самоопределении коренных национальностей, хотя армия генерала Тильзера никакой нации не принадлежит. Якобы предки Тильзера высадились на материк Тортуга за два года до провозглашения Ниланда частью Винитанского Союза, а потому формально были заявлены как коренное население. Мало того, этот закон принимался на планете Перон и для планеты Перон.

– А где это?

– Ну вот, ты даже не знаешь. И я не знаю, – капитан грустно усмехнулся.

– Поэтому у нас и людей не хватает? Из-за саботажа?

– Конечно. Ты знаешь, откуда я пополнение вез? С Лованзы. Две недели в дороге, совершенно дикие затраты. В то же время в трехсуточном перелете можно набрать солдат сколько хочешь. В промышленности упадок – люди в армию сами просятся.

– А у нас – некомплект.

– Да, у нас некомплект.

– И как же жить?

– Как жить? Будем ждать, когда приедет комиссия военных инженеров. Они будут все измерять и рассчитывать. А мы будем их охранять.

– Что, уже точно это будем делать мы?

– А кому еще можно поручить? Если инженера убьют, комиссия может, не доделав расчеты, сорваться, и тогда восстановление форта будет отложено на неопределенное время. Так что охрана комиссии – самая настоящая боевая операция. Это покруче, чем на «отбой» слетать.

20

Видимо, информация, которой располагал капитан Саскел, была верна. Через три дня из Антвердена пришла радиограмма, предупреждавшая о приезде комиссии военных строителей. На приготовления давалось два дня.

Командир базы вызвал к себе начальников всех служб и поставил задачу не ударить в грязь лицом. Хозяйственникам приказали готовить жилье, Саскела поставили ответственным за безопасность гостей.

– Внимание, разведка! – громко произнес он, вернувшись к своим. – Всякий отдых отменяется! Через два дня встречаем строительную комиссию, начальник хозяйственной части уже готовит им в пятнадцатом строении койки, а нам придется наведаться к Четвертому опорному, чтобы там все обошлось без сюрпризов.

– А сколько они там пробудут? – спросил Госкойн.

– Пока ничего не известно, но, я полагаю, часов пять-семь. Завтра с утра, как рассветет, отправитесь на разведку. Сколько людей возьмешь, Рихман?

– Две команды по шесть человек, включая Дока.

– Правильно, Дока нужно взять.

На другой день, после легкого завтрака, разведчики погрузились в вертолет Байрона. Последним, как всегда, прибежал Док. Он устроился на своем излюбленном откидном стульчике, рядом с подвесными носилками и вставленной в кронштейн винтовкой «галиот».

Этим оружием Док владел очень неплохо. Джиму случилось быть тому свидетелем во время его первого вылета на боевую операцию. Док тогда беспрерывно болтал – ему было интересно поговорить со свежим человеком. Он и не заметил, как из кустов вышел мятежник и, приладив на плечо гранатомет, прицелился в стоявший на полянке вертолет.

Тогда всех спас пилот: он заметил гранатометчика и закричал, но из «галиота» стрелял очкастый Док, который и сумку-то медицинскую таскал еле-еле. Тем не менее он сбил мятежника точной очередью, а потом они с пилотом стали ссориться.

Сотрясаясь от напряжения, «Си-12» оторвался от площадки и начал неспешно набирать высоту. В разгар сухого сезона все происходило иначе, и после отрыва пилоты проносились над самой стеной, рискуя задеть ее брюхом. Затем вели машины над минным полем до самого леса и только в самый последний момент взмывали над деревьями.

Такой метод взлета являлся противоракетным маневром, который выполнялся с тех пор, как однажды вертолет был сбит ракетой на границе джунглей. Позже частое патрулирование солдатами окрестностей базы отбило у мятежников охоту подбираться близко, однако мерами безопасности пилоты не пренебрегали.

21

Лететь до Четвертого опорного было пятнадцать минут, а добираться пешком – целую вечность. В дождь на «казуарах» плыли двое суток и три утренних «окна». Ночевать приходилось на воде – в грибках. Так назывались домики, которые получались, когда на лодках ставили рамы и обтягивали их прорезиненным тентом. Получалось нечто похожее на плавающую шляпку гриба. Вода в такое убежище не попадала, зато грохот от ливня стоял такой, будто спишь внутри барабана.

Первая группа, которой командовал Шульц, высадилась метров за триста до разрушенного форта, у самого берега озера. Подвезти десант к самой суше не получилось – мешали деревья, поэтому бойцы по одному прыгали в воду, страхуя друг друга от нападения зурабов и прячущихся мятежников.

Все шестеро благополучно выбрались на берег, и вертолет полетел дальше.

Джим и Тони припали к иллюминаторам, рассматривая то, что осталось от некогда грозного бетонного бункера. Теперь это был его прах, разбитые взрывами бетонные конструкции с торчавшей кверху арматурой. Все склоны вокруг руин были черны, высокая вода затопила пристань и отрезала подходы к ангарам, в которых, возможно, еще стояли скутеры.

– Ну что, страшно? – спросил Рихман, подсаживаясь к Джиму и Тони.

– Страшно, – признался Джим. – Когда мы с Тони его покидали, он был еще целым.

– Ничего, его восстановят. По крайней мере я хочу на это надеяться.

Руины остались позади, и пилот медленно вел машину над озером, выбирая подходящее для высадки место. Наконец такое нашлось. Вертолет направился к небольшой песчаной косе, которую облюбовала семья зурабов. За время дождей они соскучились по теплу и теперь принимали солнечные ванны.

Монстры не пошевелились даже от грохота турбин, и Рихману пришлось стрелять через открытую дверь, чтобы напугать их. Фонтаны песка заставили зурабов оставить пляж и нырнуть в воду. Лишь после этого вертолет пошел к берегу.

Опираться на песок всей массой вертолета было опасно, поэтому он завис в трех метрах над пляжем.

Первым прыгнул Рихман, за ним Тони и Джим, потом Госкойн – его сержант подстраховал, поскольку Госкойн еще не восстановился после ранения. Рихман не хотел его брать, но Госкойн настоял на своем. Потом был Верди и, наконец, Док. Его тоже пришлось ловить, поскольку Док падал с тяжелой медицинской сумкой и винтовкой «галиот».

Высадив всех, вертолет пошел к середине озера – ему предстояло возвратиться на базу, поскольку площадка для посадки здесь еще не была разведана. Впрочем, для этого годилось бывшее минное поле, однако использовать его Рихман предполагал только в том случае, если бы не удалось найти что-то более подходящее. Отмель, которой они пользовались в сухой сезон, отпадала – сейчас там было два метра воды, однако вершина холма, где прежде стоял основной бункер форта, издали казалась сержанту вполне приемлемой.

Рихман связался с Шульцем.

– Как у тебя? – спросил он.

– Похоже, у берега лес дикий. Никаких следов нет, но мы сейчас поднимемся повыше – туда, где раскапывали ямы.

– Хорошо, все найденные алмазы делим поровну.

– Договорились.

Сержант зацепил рацию за карман, прислушался к доносившимся из леса звукам и сказал:

– Развернуться в цепь – дистанция пять шагов.

22

В лесу было спокойно, насколько может быть спокойно в тропиках.

В верхних ярусах ветвей дрались склочные птицы банбоуты. Густая листва надежно скрывала их от любопытных глаз, и лишь вспышки ярко-желтого оперения выдавали место драки, когда кого-то из сородичей прогоняли с насиженной ветки. Птицы сшибались огромными клювами, издавая звуки, как от столкновения бильярдных шаров.

Пришедшие в себя после лесного потопа змеи жались по кустам. Их яд еще не набрал силу, поэтому они избегали встреч с людьми, с тихим шелестом растворяясь в высокой траве, как будто их тут и не было.

Группа растянулась в цепь и двинулась вдоль границы некогда смертельно опасного минного заграждения Четвертого опорного. Джим вспомнил, что за день до штурма форта выходил сюда на разведку вместе с Попеску – его ранило во время столкновения с двумя диверсантами. А в день штурма, с утра, снова вышел в лес и взял с собой Тома Моргана, который теперь считался виновником всех бед. Именно он, по непонятным причинам, отключил минные заграждения и разбил пульт управления. До сих пор не существовало внятного объяснения, почему он так поступил.

Джим хорошо запомнил улыбку Моргана за секунду до того, как тот стал рвать провода. Это была улыбка счастья, которую можно было посчитать симптомом сумасшествия. Том мог свихнуться от жары, от усталости, от страха, однако при внимательном рассмотрении все эти объяснения казались притянутыми за уши.

Джим чувствовал, что причина в другом. Недаром он и сам в тот день испытывал сильное беспокойство. Пока они с Морганом ходили по лесу, разведчику Симмонсу казалось, что за ними следят. Он спиной чувствовал на себе перекрестие прицела – это было неприятное ощущение.

Потом была «пуговица». Или что-то похожее на пуговицу. Джиму даже показалось, что это какой-то жук, и он предупредил Тома, сказав что-то вроде: осторожно, у тебя на затылке какая-то дрянь. Впрочем, едва ли Морган это услышал – через секунду он стал корежить пульт управления.

Потом начался этот ужас, и в возникшей суматохе все позабыли про Тома. Позднее, когда прошел шок, Джим начал вспоминать, как умирали его товарищи. Один за другим. Но Тома Моргана в этих страшных воспоминаниях не было.

Под ногой что-то хрустнуло. Джим остановился. Это была высохшая оболочка «воздушного огурца». Его зеленые вытянутые плоды созревали на ветках, а затем падали вниз и, ударяясь о землю, буквально взрывались, разбрасывая семена.

После «огурца» попалось несколько похожих на обрезки труб цилиндров от снарядов к безоткатным орудиям. Но все они были старыми, оставшимися еще с прошлого сухого сезона.

Кое-где попадались автоматные гильзы.

– Что, узнаешь место? – спросил подошедший Рихман.

– Где-то здесь за день до штурма я нарвался на двух диверсантов. Правда, тогда все здесь выглядело иначе. Вот тут, – указал Джим рукой, – была целая стена из лиан. Она тянулась метров на двадцать. За ней я обнаружил диверсанта.

– Почему ты говоришь «диверсанты»? Может, это были обычные наблюдатели? Ты же знаешь, мятежники постоянно наблюдают за фортами, даже если не ведут обстрел.

– Может, и наблюдатели, но у парня, которого я видел, в руках была винтовка с вот таким огромным прицелом, – Джим как заправский рыбак показал руками размеры прицела.

– Таких прицелов не бывает, – сказал Рихман, поглядывая сквозь заросли. – Ни к чему такие большие.

– Калибр тоже был большой, миллиметров пятнадцать.

– Сошки были?

– Что?

– Сошки, спрашиваю, были? Это могла оказаться обычная винтовка вроде «беркута», только она тяжелая, и ей сошки полагаются. Кроме сошек должен быть магазин на тридцать патронов – учитывая калибр, он должен быть большим, ты обязан был его заметить.

– В том-то и дело, сэр, что магазина не было. Помню ствол, а ниже только ложе коричневого цвета.

– То есть винтовка была однозарядная?

– Не знаю, сколько зарядов, но магазина не было точно.

– Похоже на спецоружие, – предположил Рихман и поднял с травы какую-то палочку. Потом отбросил ее в сторону. – Ладно, пойдем дальше.

И они продолжили осмотр, внимательно вглядываясь в траву и поднимая каждую, казавшуюся подозрительной ветку.

Однако все выглядело обнадеживающе, и можно было не сомневаться, что со времени окончания дождей сюда никто не совался. Возможно, разрушив форт, мятежники решили, что здесь им больше делать нечего.

«Ну, не хотят, и не надо», – подумал Рихман. Он вовсе не горел желанием схватиться с мятежниками, ведь уже послезавтра должна была прибыть комиссия из Округа, чтобы решить, как восстанавливать форт.

Рихман достал рацию и связался с Шульцом.

– Как твои дела? – поинтересовался он.

– У нас все чисто, – ответил тот. – Последние три дня здесь никого не было – это совершенно точно.

– У нас та же картина, – ответил Рихман. – Вот что: начинай ставить датчики со своей стороны, а мы прочешем еще разок и тоже займемся ими.

– А ямы когда осматривать будем?

– К ямам пойдем позже.

23

Поскольку следов мятежников обнаружено не было, разведчики успокоились. В числе тех, кто пытался их атаковать, были только пара шипохвостов и молодая болотная змея. Она впервые видела людей и не знала, как себя вести.

Шипохвостов сшибли с веток, а змею Док пнул ботинком. К змеям он относился равнодушно, его интересовали только тропические бабочки, которых он собрал уже большую коллекцию. Помимо того, что он штопал дырки в телах солдат и виртуозно вынимал самые страшные осколки, Док писал статьи в энтомологический журнал и совершенно серьезно предлагал Тони Тайлеру стать наследником этой коллекции, если с самим Доком что-то случится.

Крупных бабочек в лесу пока было мало, их время еще не пришло, и Док скучал, перевешивая тяжелую винтовку с одного плеча на другое.

Пройдя половину периметра вдоль границы форта, группа остановилась. Рихман еще раз связался с Шульцем и сообщил ему, что возвращается к озеру. Затем развернул своих людей и приказал им разомкнуться на десять шагов. Теперь никто друг друга не видел, однако Джим не испытывал беспокойства. Группа без происшествий вернулась к озеру, и Джим невольно отметил, что двигались они тем же маршрутом, что и он, когда выходил на разведку с Морганом.

Разведчики собралась у берега, под прикрытием густых зарослей. На противоположной стороне озера могли скрываться мятежники – об этом нельзя было забывать.

– Меня в тот день сковывал необъяснимый страх, – произнес Джим, развивая свои мысли вслух.

– Что? – спросил сержант.

– В тот последний день, примерно за час до штурма, мне все время казалось, будто в спину кто-то смотрит. И на открытой местности, и в лесу… Мы тогда с Томом Морганом в разведку выходили.

– Это тот самый?

– Да, который отключил защиту и разбил аппаратуру.

– Неожиданный поступок для молодого солдата.

– Наверное, – сказал Джим, невольно вспоминая свои тогдашние ощущения. – Меня не покидало чувство, что в меня кто-то целится. Я все время оборачивался, один раз даже автомат вскинул, думал напугать того, кто за мной следит.

– Молодец, хорошо придумал. И что?

– Ничего. Он меня переиграл. Он выдержал.

– Ты так уверенно говоришь, будто там действительно кто-то был.

– А я уверен, что были – те двое, с которыми накануне случилась перестрелка. Они вели себя безупречно, и если бы не птица…

– Какая птица?

– Кабату, помните? Круглая такая. Она недовольна квохтала, и я понял, что кто-то ее побеспокоил. Кто-то, кого она испугалась, но кто не использует ее как добычу. Получалось, что человек.

Тайлер стоял неподалеку и внимательно слушал Джима. На его лице алел лихорадочный румянец, и, сам того не желая, он вместе с напарником возвращался к нелегким воспоминаниям.

– А почему ты решил, что этих диверсантов было двое? – спросил сержант.

– Одного я видел и еще один прикрывал его, стреляя из автомата с правого фланга.

Рихман вздохнул, посмотрел на озеро и сказал:

– Сейчас будем сажать датчики. Я знаю, что вам известно, как это делается, однако по правилам необходимо проинструктировать вас еще раз. Вот этот черный – передающий, а зеле-

ные – собирающие. На десять зеленых собирающих ставим один передающий, то есть черный. Зеленый размещаем в десяти сантиметрах от земли, черный – в полутора метрах от земли. А теперь подходите и берите по одной коробочке.

Сержант распахнул солдатскую сумку и проследил, чтобы даже Док участвовал в работе.

Взял свою коробку и Джим. До этого он только раз участвовал в установке датчиков – самое сложное в этой работе было нагибаться, чтобы ставить зеленые. Они представляли собой двухсантиметровые цилиндрики не толще карандаша, снабженные двумя усиками-иголками, которые надо было вонзать в дерево через каждые пять-шесть метров.

Собирающие датчики принимали информацию в нескольких диапазонах. Они могли опознавать тяжелые шаги, отличая их от шороха пробегающей мыши. Интересовались объемными фигурами, пропуская падающие ветки и диких кошек.

Заполнив чип памяти, они переправляли всю отобранную информацию на передающие датчики, ориентируясь на тот, который оказывался ближе. Предел передачи сигнала ограничивался сотней метров.

Черные, передающие, датчики были покрупнее младших коллег – размером с вишню. Из черного датчика торчало три иглы, которые были длиннее и толще, чем у зеленых. В черных было больше «мозгов» и больше возможностей для анализа. Они еще раз отсортировывали самые «человеческие» данные и отсылали их концентрированным сигналом на принимающие зеркала спутников.

Энергию все эти хитрые устройства получали из деревьев, вырабатывая электричество только им одним ведомым способом.

Со спутника информация передавалась на базу и на приемные устройства наводящих систем. По их показаниям операторы производили прицеливание автоматических минометов, которыми располагали все опорные пункты.

Датчики представляли опасность для мятежников, и те целенаправленно их выискивали, в то же время устанавливая свои собственные.

Шульц и Рихман неоднократно показывали Джиму и Тони, как обнаруживать вражеские сети датчиков и, самое главное, как их выключать. Если мятежники просто выбрасывали следящие устройства федералов, то разведчики поступали куда более коварно. Они выдергивали датчик, подгибали одну ножку и вставляли его обратно. Такой датчик продолжал работать, но посылал неправильную информацию и очень часто принимал муравья за целый взвод солдат.

24

Джим выставил положенный десяток зеленых собирающих и взял из коробки черный.

Он с силой вогнал его на положенной высоте, подгадав так, чтобы датчик разместился под сучком. Отойдя на несколько шагов, Джим обернулся, чтобы оценить свою работу. Посмотрел и ахнул – датчик один в один походил на ту самую «пуговицу» или «жука», который сидел на затылке Тома Моргана.

– Я понял, сэр! Я нашел!.. – закричал Джим. – Сержант, я понял!

Из-за ближайшего куста тотчас появился сержант с автоматом наготове. С другой стороны выскочил Тони.

– Ты чего? – спросил он.

– Сэр, я понял! – повторил Джим, потрясая еще одним черным датчиком. – Я понял, что было на затылке Тома Моргана! Вот что было!..

– Ты же говорил, что это был жук, – напомнил Рихман. – Ну я же не знал, что именно! Сначала подумал, что пуговица, а потом, что это какой-то лесной гад. А оказалось вот что – датчик!..

Рихман подошел к Джиму и, взяв у него передающий, посмотрел на знакомую вещь другими глазами.

– То есть ты думаешь, что если подобную штуковину загнать иголками вперед в череп, то человек будет исполнять команды?

– Разве такое возможно? – усомнился Тони.

– А почему нет? Было время, когда и эти датчики считались чудом.

– Но как можно воткнуть такую штуку в человека, да еще незаметно? Ведь Джим был рядом с Томом. И потом, это же очень больно.

– Больно, – согласился сержант и позвал: – Док! Подойди сюда, дело есть.

Появился доктор. Он поправил очки и посмотрел на протянутый ему датчик.

– В чем вопрос?

– Если вот это хреновину вогнать в башку – очень больно будет?

– Ну разумеется, если не обработать место укола обезболивающим средством.

– А если нет времени на предварительное обезболивание? Можно ли сразу обезболить?

– Можно и сразу. Существует целый ряд препаратов, вызывающих мгновенную анестезию. Некоторые из них даже дают побочный эффект легкого опьянения или ощущения счастья и любви ко всем окружающим.

– Давайте разберемся, – предложил сержант. – Значит, если мы снабдим вот эту фиговину необходимым количеством мгновенно обезболивающего препарата, то она войдет в череп незаметно для пациента и, возможно, возьмет его сознание под контроль. И вот тут, Симмонс, – сержант повернулся к Джиму, – находит место твоя винтовка большого калибра, со странным прицелом и без магазина. Ей не нужен короб из тридцати патронов, потому что выстрел только один. Промахнулся, и ничего не состоялось – ищи другого подходящего случая.

– Вот так дела… – покачал головой Джим. – Действительно все сходится…

– А когда это случилось, ты можешь вспомнить? Как вел себя Морган на протяжении всего времени, пока вы шли по лесу?

– Сначала обыкновенно. Бодро так бежал, особенно когда возвращаться стали – он ведь признавался мне, что лес очень не любит. Я то и дело пропускал его вперед, а сам оставался, чтобы провериться.

– То есть момента для выстрела не было?

– Не было. А вот когда прошли по косе и поднялись в бункер, там у него появилась эта дурацкая улыбочка.

– Ладно, – сказал сержант, замечая, что разведчики невольно превратились в зрителей. – Продолжайте ставить датчики, а мы с Симмонсом сходим к косе. Так нагляднее будет. Пойдем, будешь показывать, как вы с Морганом шли.

Джим огляделся.

– Я сейчас не могу сказать точно, все выглядит совсем иначе, но, кажется, мы были чуть севернее этого места, когда я решил возвращаться. И мы прямиком двинулись к косе.

25

Сам того не ожидая, Джим начал вспоминать все очень подробно. Истлевшие остатки лиан – прежде они сплетались здесь в непроходимую стену, а вот сломанное дерево, Джим тогда остановился с ним рядом, чтобы оглянуться – не идет ли кто по следу.

– Дальше джунгли были уничтожены минометным огнем – когда наши прикрывали меня из бункера, – продолжал вспоминать Джим. – Целые кучи щепок, разрубленных лиан, веток… А здесь был большой куст медовика…

– Его смыло водой – вот ямка осталась, – подтвердил сержант.

– Здесь бревно лежало, я еще встал рядом, чтобы Том не споткнулся – он часто спотыкался.

– Бревно чуть дальше, вон там торчит его конец – тоже водой отнесло, – комментировал сержант, который мог читать джунгли словно раскрытую книгу.

– А вот тут… Да именно на этом месте я остановился… – Джим повторял все движения, словно исполнял пантомиму. – Сдернул автомат и прицелился вон в те кусты. Они тогда были меньше.

Джим прицелился туда, куда целился в тот злосчастный день. Сержант с полной серьезностью подошел к нему сбоку и заглянул в целик.

– Кусты подросли, – сказал он, – но как раз там, куда ты целишься, – уровень земли повыше и стоять там удобно. Что было дальше?

– Морган меня спросил – ты чего-то боишься? А я ему ответил – просто проверяюсь. На самом деле, конечно, мне было страшно. И все, до песчаной косы отсюда метров тридцать. Я снова пошел первым, а Морган за мной, и больше этот порядок не менялся.

– Ладно, пойдем к косе.

Они вышли к краю леса, там, где начинался прибой. Коса оказалось затоплена высокой водой, но в сухой сезон она была на несколько метров дальше.

– Мы шли вот здесь – по прямой до самого причала, – пояснял Джим.

– Значит, мы стоим на идеальном месте для прицеливания, – сказал Рихман. – Именно здесь находился снайпер, который всадил в затылок несчастному Тому Моргану эту штуковину. И все заработало. Вы поднялись в бункер, а Том Морган был уже одним из них. Интересная задачка для капитана Мура получается.

После этого расследования сержант и Джим вернулись к прерванной работе, и вскоре группа закончила установку датчиков. Потом они встретились с Шульцем и все вместе отправились к ямам, расположенным на востоке от Четвертого опорного.

После окончания дождливого сезона это был первый визит в район выработок, и теперь здесь все выглядело иначе. Некоторые из деревьев с подрытыми корнями погибли, другие еще держались. Глубокие ямы оплыли и стали неопасны. Отвалы промытого песка вода растащила по большой площади, практически похоронив все травы в радиусе пятидесяти метров.

Однако алмазов нигде видно не было. Разведчики прошлись по ровной песчаной поверхности, время от времени ковыряя ее ботинками, однако не обнаружили даже самого маленького камешка. Промышленного мусора – тех самых оберток и упаковок, за которыми охотились во время дождей, тоже не было. Вода подчистила все.

Прежде здесь повсюду были следы гусеничных машин, которые лавировали между деревьев, рыли и промывали. Потом они убрались в сторону озера и по склону спустились на понтонную платформу, с которой позже их забрали вертолеты «Си-309». Винты этих тяжеловесов оставили прибрежные деревья без листвы, а почву выветрили до самого песка. Как утверждали вертолетчики с базы, тоже видевшие эти следы, сюда было совершено не менее сотни рейсов.

Саму посадочную платформу, скорее всего, тоже доставляли по воздуху. А пока шла добыча алмазов, ее перегоняли к противоположному берегу, и там она стояла в сложенном состоянии, привязанная к столбам, которые тоже удалось обнаружить.

На незаконной добыче алмазов работала профессиональная и хорошо слаженная команда. Вне всякого сомнения, это были приглашенные специалисты, поскольку прежде таких дел за мятежниками не числилось.

Осмотрев оплывшие ямы, разведчики вернулись к Четвертому опорному. Там они проверили территорию на наличие новых мин, а затем поднялись на холм, где прежде стоял главный бункер.

За исключением большого куска стены и двух торчавших арматурин, посадке вертолета на руины ничего не мешало. И хотя сверху это наверняка выглядело помойкой, сесть было можно. По крайней мере куда удобнее, чем на воду.

Убедившись в этом, Рихман вызвал борт.

26

Как и следовало ожидать, прилетевший Байрон сначала ругался по радио за то, что выбрали плохую площадку. Однако «Си-12» посадил без особых хлопот и, погрузив разведчиков, поднял машину в воздух.

Пока вертолет разворачивался, Рихман указал Шульцу на дальний берег озера.

– Как раз отсюда они били по нашему вертолету из безоткатных пушек.

– Да, и бедняга Куллидж после этого так и не выкарабкался.

– Нужно учесть эту позицию. Когда повезем комиссию, подстрахуемся вторым бортом. Загрузим его по максимуму – ракеты, бомбы, пушки. Чтобы было чем пугнуть, если будет кого.

– Постричь кусты из пушек нужно в любом случае.

– Это, конечно. Без этого даже неприлично как-то.

Вернувшись на базу, сержант Рихман вместе с Джимом, не сдавая оружия, прямиком отправились к капитану Муру.

– Что сказать Саскелу? – спросил Шульц, хитро улыбаясь. Он знал: командиру разведчиков не понравится, что его люди без спросу отправились в отдел Службы Безопасности.

– Скажи, что пошли уточнять вскрывшиеся обстоятельства дела.

– Как прикажете, господин сержант.

Мура Джим и Рихман нашли в административно-штабном здании, в комнате, которая была ему и служебным кабинетом, и жилой комнатой. Капитан сидел за столом и читал какой-то документ.

– Разрешите войти, сэр? – спросил Рихман.

– А, разведка! Проходите, присаживайтесь.

Джим и Рихман устроились на узких стульях и осторожно прислонили к стене автоматы.

– А я тут сообщение читаю, час назад пришло из лаборатории Антвердена. Как раз по вашей железяке.

– И что там пишут, сэр? – поинтересовался Рихман.

– Да ничего особенного. Указаны марка металла, его свойства – конструкция оказалась жаропрочной, пуленепробиваемой. И, кроме всякого пустословия, имеется вывод – деталь эта от неизвестного, возможно летательного, аппарата. Теперь что хочешь с этой информацией, то и делай, но больше годится только подтереться.

В этот момент застрекотал принтер устаревшего прибора, с помощью которого капитан Мур получал, раскодировал и распечатывал секретные сообщения.

Густо испещренный буквами листок начал выползать на стол.

Джим и Рихман переглянулись. Они не знали, положено ли им присутствовать при столь важном событии.

Впрочем, капитан ничего не сказал и только смотрел на появлявшийся документ. Он протянул руку, чтобы подхватить листок, но его обрезала шустрая гильотинка, и документ спланировал на пол.

– Вот зараза, – выругался Мур, поднимая листок с донесением. – Никак не могу фиксатор отрегулировать – все документы только с пола получаю… Итак. Что тут у нас… Ага! Дополнение к отчету лаборатории…

Разведчики невольно подались вперед. Под мощным Рихманом скрипнул стул.

– Лаборатория обратилась прямиком в «Эдельвейс-Бельков-Блом» и теперь из неизвестного летательный аппарат стал известным. Модель называется «ДУ-198К»… Так. – Капитан водил по строчкам пальцем. – Аппарат выполнен по коммерческому договору для фирмы «Ромус-Айрил» и заявлен как самолет для сельскохозяйственных нужд. Приводится скорость – 500 километров в час и…

– И пуленепробиваемый корпус, – добавил Джим.

– Вот именно. Для сельского хозяйства в самый раз. Видимо, страхуются от столкновения с саранчой… Двигатель реактивный «Джет-Монро-3000».

– Выходит, сэр, этот самолет делали для мятежников? – уточнил Джим.

– Тут написано – для фирмы. Но по сути ты прав.

– Значит, у них теперь есть эти самолеты?

– Предположить такое можно.

– Фирма могла заказать машину якобы для опыления полей или чего-то там еще, а на самом деле вместо баков с удобрениями мятежники подвесят бомбу или пушку. Правильно?

– Ишь ты какой шустрый, но это тоже можно предположить, – согласился капитан Мур. – Однако эту тему мы уже обсуждали. Взлетать из джунглей невозможно. Вот тут указано… – Мур вернулся к документу. – Возможна посадка на укороченную полосу.

– А вертикальный взлет эта машинка не сможет выполнить? – неожиданно спросил сержант.

– Ну о чем вы говорите, сержант? Такое даже представить смешно. Вот тут написано… – капитан снова вернулся к документу. – Ага. Вот: в случае доукомлектации двигательной установкой «Джет-Монро-4570» возможен вертикальный взлет…

– Вот это да! – покачал головой Рихман. – У мятежников самолеты с вертикальным взлетом, а у нас в составе некомплект двадцать процентов.

– Погодите, не нужно делать скорых выводов, – поднял руку капитан Мур. – Я еще с этой информацией поработаю и запрошу кого надо. Вы чего пришли?

– У нас появилась новая версия, по поводу Четвертого опорного, мы ведь только что оттуда – на привязку к местности мотались. Там Симмонс начал вспоминать то, чего сразу после боя вспомнить не мог.

– Ну это понятно. Шок и все такое. И что же ты вспомнил, Джим?

– Давайте я буду рассказывать, сэр, а если что-то упущу, Джим меня поправит, – предложил сержант. – Хорошо?

Симмонс кивнул.

– Так вот, он вспомнил предмет, похожий на пуговицу, который оказался на затылке у Тома Моргана за секунду до того, как тот начал крушить пульт управления.

– Я помню эти показания. Но там говорилось о насекомом, о каком-то жуке.

– Да, сэр, это было похоже и на насекомое, однако сегодня я понял, что это… – Джим посмотрел на Рихмана, и тот положил на стол черный датчик.

– Вот что это было, сэр, – добавил сержант.

– Так. – Капитан осторожно дотронулся до острых ножек. – Но это же передающий датчик.

– Совершенно верно, но Джим утверждает, что именно так выглядело то, что было на затылке Моргана.

– Вы думаете, кто-то вбил этому Моргану в голову точно такую штуку?

Капитан взял датчик за ножки и осмотрел его придирчиво, словно дохлую муху.

– Да, сэр, чтобы держать солдата под контролем.

– Не знаю, существуют ли подобные системы, – с сомнением произнес капитан. – И потом, это же очень больно.

– По этому поводу мы уже консультировались с Доком, – вмешался Джим. – Он сказал, что существуют обезболивающие препараты мгновенного действия.

– Ну допустим, – согласился Мур. – Допустим, он может действовать как контролирующий сознание прибор, допустим, что и воткнуть его можно безболезненно, но как это сделать физически? Нужно ведь напасть на солдата, повалить его или оглушить, а потом вживить при-

бор. Из прежних показаний Симмонса я понял, что ничего подобного с ним и его напарником не происходило – не было даже огневого контакта.

– Вот тут начинается вторая часть нашего рассказа, – заметил Рихман. – Джим за день до штурма тоже ходил на разведку, но с другим солдатом. Возвращаясь, они напоролись на двух диверсантов, и у того, которого увидел Джим, была в руках винтовка очень большого калибра, со странным оптическим прицелом и, что само интересное, – без сошек и без магазина для патронов. Напрашивается только один вывод, эта винтовка однозарядная и предназначена только для того, чтобы послать в цель вот такой датчик.

– Но ведь Джим мог заметить его раньше, ведь так?

– Так. Поэтому они выбрали единственно верный вариант – выстрелили в солдат, когда те возвращались в бункер. Мы с Джимом проследовали по всему их с Морганом маршруту и пришли к выводу, что стреляли в них, когда они шли по песчаной косе. И если бы последним шел Джим, датчик достался бы ему.

– Да, ребята. Задаете вы задачки, – покачал головой Мур. – Но как ни фантастично звучит ваше предположение, более правдивого объяснения странного поступка Моргана у нас нет. И если все обстоит так, мы рискуем потерять и другие форты.

– И не только в Междуречье, – добавил сержант.

– Хорошо. Я буду писать новый отчет с позиции этой новой версии.

– И что потом?

– Потом отошлю его в Антверден.

– А здесь мы что-нибудь предпримем?

– Конечно. Мы можем инструктировать смены, чтобы солдат, выходящих за охранный периметр форта, обязательно осматривали. Чтобы никто не притащил на башке эдакую гадость. Или не обязательно на башке? Можно ли всадить датчик в ягодицу?

– Едва ли, сэр, – покачал головой Джим. – Сидеть неудобно будет.

– Да и не сработать может, – заметил Рихман. – Где задница и где голова?

– Ладно, гадать не будем. Я напишу рекомендации и передам полковнику Соккеру, а он разошлет их на опорные пункты. К тому же, как может выглядеть эта штука, мы теперь знаем.

27

Несмотря на опасения, визит комиссии проходил гладко. Когда десятерых инженеров вывезли к руинам, они были поражены тем, до какой степени все разрушено.

– Мы полагали, что здесь значительные разрушения, – говорил главный эксперт. – А здесь вообще ничего нет.

Впрочем, охали они недолго и скоро взялись за работу. Через два с половиной часа все измерения были сделаны и нужные цифры для будущих расчетов записаны. Не отвлекали комиссию даже подвиги вертолетчика Хаммера, который в целях «глубокой профилактики» утюжил бомбами и ракетами подозрительные кусты на другом берегу озера.

Отбомбившись, Хаммер улетел вслед за Байроном, и военные инженеры остались под охраной одиннадцати разведчиков.

Когда работа была сделана, Рихман вызвал борт и гостей вывезли на базу.

Вечером им был дан праздничный ужин, а с утра они собрались в Антверден на собственном вертолете, с которым прибыли.

На вопрос начальника базы полковника Соккера, когда можно начать восстановление форта, глава комиссии сказал:

– Знаете, полковник, я бы не слишком рассчитывал на то, что это случится скоро. Сначала мы должны скорректировать старый проект, форт был построен еще до возникновения базы. Ему лет двенадцать, и сейчас так уже никто не строит. После изменения проекта составим сметы и передадим всю документацию в Округ на утверждение.

– И сколько же времени займет вся подготовка?

– Мы свою работу сделаем за месяц, а вот на утверждение уйдет очень много времени.

– В чем же тут проблема? Очень много проектов на согласовании?

– Нет. Проектов немного, и причины такой медлительности мне неизвестны. Просто из опыта последних двух лет я знаю, что согласования очень затягиваются. На месте Службы Безопасности я бы этим обстоятельством заинтересовался.

– Вот даже как?

Решив, что сказал лишнее, инженер смутился и, попрощавшись, поспешил к вертолету.

Вскоре комиссия убыла, а полковник еще долго стоял на площадке, раздумывая над услышанным.

Вечером того же дня капитан Саскел собрал в жилом помещении всех разведчиков. Даже Шульца с командой, которые хотели «попинать мячик».

– Итак, разведка, судьба Четвертого опорного наконец прояснилась. Восстанавливать его будут, но очень не скоро.

– Не скоро, это сколько: пять лет? – спросил кто-то.

– Не знаю, как насчет пяти лет, но через год там будет то же, что и сегодня. Поэтому год или больше нам нужно будет как-то выживать. Если мы оставим эту брешь без прикрытия, противник активизируется на Лошадиной Голове и будет с комфортом подвозить из лагерей по воде оружие, людей и все что угодно. Даже танки, если они у них будут. Все это приведет к тому, что мятежники усилят давление на Третий опорный.

– Останется еще авиация, – заметил Верди.

– Штурмовики, конечно, оружие мощное, однако, как летчики проводят разведку, мы знаем – анекдот на анекдоте. То им что-то привиделось, а то ничего не замечают. Их отношение к этой работе понятно – они не за разведку деньги получают, а за своевременное нанесение ударов по уже выявленным целям. Однако даже вызывать их напрямую мы не можем. Сначала сообщение идет к диспетчеру, тот докладывает полковнику Соккеру, Соккер докладывает в

Антверден, те передают пожелание руководству летчиков, и руководство спускает приказ на авиабазу. На все согласования уходит порядка полутора часов. Самый лучший показатель равнялся сорока минутам. За это время даже самая тихоходная баржа уйдет и спрячется в бухте, которых на озере хватает. Пока стоял Четвертый опорный, мы справлялись, но теперь, если ничего не менять, мы будем постепенно сдавать позиции, и закончится все тем, то мятежники сожгут базу и промаршируют до Антвердена. Чтобы этого не случилось, мы должны изменить все схему действий на участке Четвертого опорного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.